

БИБЛИОТЕКА

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 30

1982

Юрий ПОПОВ

ПО ГОРОДАМ И СТРАНАМ

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»

«СПОРТЛОТО» «6 из 49» и «5 из 36»

Если вы хотите внести свой вклад в развитие физкультуры и спорта, участвуйте в спортивно-числовой лотерее «Спортлото».

Доходы спортивных лотерей направляются на строительство спортивных сооружений, на организацию соревнований, спортивных праздников и спартакиад.

Тиражи «Спортлото» проводятся по субботам. Каждый билет играет двумя комбинациями номеров и является выигравшим, если с результатами тиража совпадут три, четыре, пять или шесть номеров в одной из комбинаций.

Выигрыш от трех до 10 000 рублей.

Все билеты бестиражные. Их можно заполнить на любой тираж года и даже на несколько тиражей вперед.

Билеты, опоздавшие к указанному на них тиражу, участвуют в последнем тираже квартала.

Желаем удачи!

Главное управление

Юрий ПОПОВ

ПО ГОРОДАМ И СТРАНАМ

ОЧЕРКИ

ЮРИЙ ПОПОВ

Юрий Петрович Попов родился в 1920 году в станице Белая Калитва Ростовской области в семье машиниста-железнодорожника.

После окончания Московского государственного института международных отношений в 1948 году работал в Государственном Комитете Совета Министров СССР по телевидению и радиовещанию. В 1960 году перешел на работу в газету «Известия». Редакция газеты неоднократно направляла Ю. Попова для освещения различных международных конференций и совещаний.

С 1961 по 1965 год он был собственным корреспондентом «Известий» в Индии, а с 1969 по 1975 год собственным корреспондентом газеты в Сингапуре и других странах Юго-Восточной Азии, включая Индонезию, Малайзию, Филиппины и Таиланд. Репортажи и другие материалы из этих стран регулярно печатались на страницах «Известий».

С 1976 года Ю. Попов работает в «Огоньке» редактором международного отдела. За это время он опубликовал серию репортажей из различных стран мира, которые и вошли в эту книгу.

АНГОЛА: ПЕРВЫЕ ШАГИ

Какое мелодичное и вместе с тем гордо звучащее название и у самой страны и у ее столицы: Ангола... Луанда...

Сейчас ночь. Мы расположились в удобных шезлонгах на открытой веранде отеля «Континенталь». С моря дует прохладный бриз. Впереди сияет Южный Крест. Над головой созвездие Скорпиона с рубиновым Антаресом, сзади — перевернутый ковш Большой Медведицы. Созвездия двух полушарий встретились в небе Анголы, а над заливом, в водах которого извиваются огни прибрежных фонарей, повис жемчужный диск нарождающейся луны с яркой серебряной каемкой понизу.

Тишина. Спокойствие. Умиротворенность. И как-то не верится, что не так давно здесь где-то рядом рвались снаряды, строчили пулеметные очереди, лилась человеческая кровь.

Впечатления первого дня, как правило, самые яркие. Мы бродили по улицам Луанды с раннего утра, стараясь вобрать в себя как можно больше деталей, жизненных сценок, запомнить лица людей, обрывки фраз, короче говоря, понять, чем дышит город, определить его лицо, почувствовать его пульс. То и дело вскидывал фотоаппарат, снимая все, что попадалось на пути: улицы, дома, соборы, памятники, прохожих.

Сейчас Луанда похожа на красавицу, медленно оправляющуюся от пережитой большой трагедии. Горькие складки залегли на ее челе. Но оно все же остается прекрасным, неповторимым, тем более что его уже осветила улыбка надежды.

Может быть, это чересчур образно, но о столице Анголы и впрямь хочется говорить в возвышенных тонах. Город очень живописен: полукружие обширной бухты, по мелководью которой разгуливают белоснежные цапли. Набережная с королевскими пальмами. Зеленые скверы и парки. Прозрачный и прохладный в это время года воздух.

Нижний город раскинулся на плоском песчаном берегу бухты. В колониальные времена он был центром деловой жизни, где сосредоточены здания банков, крупнейших промышленных и плантационных компаний, магазинов, ночных притонов, кафе, баров, многоэтажных шикарных гостиниц.

При колонизаторах этот город шумел, звенел, гулял не переставая всю ночь. Здесь властвовали порок и дух наживы. Это был город хозяев, город белых, где черные чистили башмаки, убирали мусор, подметали улицы, прислуживали в отелях.

Впрочем, и верхняя часть Луанды, поднимающаяся амфитеатром по склонам прибрежных холмов, также была городом для избранных, где в сени пышных тропических деревьев утопают шикарные виллы, а апартаменты многоэтажных домов оснащены всеми современными удобствами, включая установки для кондиционирования воздуха. Здесь же были воздвигнуты и учреждения колониальной администрации. Черная беспросветная нищета ютилась на окраинах в трущобах и жалких хижинах.

Сейчас колониальному разгулу пришел конец. Окна ночных баров и ресторанов, а также многих банков и магазинов, принадлежавших португальцам, задернуты железными жалюзи. Стены, испещренные лозунгами и плакатами, кричат о схватках, происходивших на улицах: «Долой предателей ангольского народа!», «МПЛА — это народ, народ — это МПЛА», «Да здравствует наша победа!».

Луанда, как и вся страна, переживает переходный период — прошлое позади, а будущее только начинается.

Из всех колониальных империй португальская имеет самую долгую историю. Четыре столетия судьба Анголы была привязана к судьбе Португалии. Эта небольшая страна, прилепившаяся к западному выступу Пиренейского полуострова, открыла эру колониальных захватов еще в средние века — значительно раньше всех других европейских держав. В 1415 году португальская эскадра во главе с принцем Энрико, третьим сыном короля Португалии Жуана I, захватила внезапным нападением марокканский город Чеуту. Этот принц, получивший от историков имя Генриха Мореплавателя, всю свою жизнь посвятил португальскому флоту и завоеванию новых земель. В те времена, когда в Европе была в разгаре Столетняя война, а Московским княжеством правил Василий Темный, португальские корабли уже рыскали вдоль африканского побережья в поисках легендарных сокровищ. В Лиссабоне на берегу реки Тахо до сих пор сохранилось похожее на средневековый замок сооружение — башня Белем, построенная в самом начале XVI века. Она служила ориентиром для гелеонов и каравелл, возвращавшихся из длительных экспедиций с награбленным добром и рабами.

Четыре столетия назад морской офицер Паулу Диаш заложил в Анголе, неподалеку от устья реки Кванзы, город Сан-Паулу-ди-Луанда. На Руси в это время царствовал Иван Грозный, а на Красной площади в Москве только что был воздвигнут храм Василия Блаженного.

Рядом с завоевателями шла церковь. Католические миссионеры огнем и мечом обращали местное население в лоно Христово. Это,

впрочем, не мешало португальским негочантам вести торговлю и вновь обращенными черными рабами, которых продавали плантаторам Северной и Южной Америки, островов Карибского моря.

Многочисленные памятники завоевателям, мореплавателям, генерал-губернаторам встречаются повсюду на улицах и площадях Луанды. Самих скульптурных изображений, правда, уже нет. Фигуры в пышных старинных одеяниях, в плащах и со шпагами совсем не гармонируют с духом новой Анголы. Их сняли и сложили в старой крепости, построенной на холме вблизи моря. Но пьедесталы остались. Португальцы хотели осесть здесь прочно, если не сказать навечно. Но вышло по-другому.

Четыре заглавные буквы пестреют почти на всех этих пьедесталах и стенах домов — МПЛА. Это начальные буквы от «Мовименту популар да либертасао ду Ангола», что в переводе значит «Народное движение за освобождение Анголы». Это движение возглавило борьбу за свободу и независимость страны. В его рядах сражались лучшие представители ангольского народа. Многие не дожили до сегодняшнего дня.

Я просыпаюсь с мучительной болью:
она заклинилась во мне,
как осколок,
как пуля,—
это воспоминание о тебе, Киболонго,
мой черный брат,
мой друг по оружию.
Тебе не видеть больше жизни,
друг мой Киболонго,
я не могу представить, что это случилось.
Я просыпаюсь и вглядываюсь в лицо твое,
я слушаю твой голос,
твой веселый голос,
как будто ты шагаешь вместе с нами
через заросли,
поешь и шутишь.
Ты всегда был самым веселым,
несмотря на то, что было трудно,
что дождь нас нещадно хлестал по лицу,
что солнце палило так, словно хотело нас сжечь.
Но золотилась настурция.
Выстрелом из засады
тебя сразила пуля,
ты уснул на носилках,
пытаясь улыбнуться
и тихо промолвив: «Пустяк».

Киболонго, брат мой!
Мы положили тебя в землю Анголы —
в твою землю,
в землю, где когда-то и мы будем лежать.
Ты страстно любил ее!

Эти строки принадлежат перу одного из тех, кто сражался в джунглях Анголы против португальских колонизаторов не только оружием, но и своими стихами.

Партизан, поэт, врач Нгудия Уэндел состоял в рядах партизанского отряда в лесах Первого района, а затем был командиром территории Иколо и Бенго. Его первый сборник был опубликован в Лусаке в 1970 году. Он назывался «Мы вернемся, Луанда».

Они вернулись в Луанду, они освободили Анголу. Теперь взгляд в будущее: что же дальше? Президент Народной Республики Ангола Агостиньо Нето, выступая на массовом митинге в Луанде в июле, сказал:

— Мы избрали социалистический путь развития. Это означает, что основой нашего общества будут рабочий класс и крестьянство. Трудящиеся Анголы должны не только владеть орудиями производства, но и научиться управлять кооперативами, фабриками, заводами... В новых условиях МПЛА должно перестроить свои ряды в соответствии с нашей целью: строительство социализма под руководством рабочего класса. Необходимо преобразовать это движение в партию трудового народа.

Это стратегическая линия на многие годы вперед. Сейчас же страна делает первые самостоятельные шаги — трудные, мучительно трудные шаги.

Левое крыло президентского дворца занято административными учреждениями. У входа прямо на земле крупнокалиберный пулемет со вставленной лентой. Солдаты, охраняющие здание, вежливо спрашивают, кто мы и по какому делу идем. Мы объясняем: советские журналисты, к министру информации. Нас быстро пропускают. Молоденькая и хорошенькая креолка камарада (товарищ) Паула просит немного подождать в приемной (министр занят) и дарит нам широкую белозубую улыбку. Минут через десять она впархивает опять в приемную и просит следовать за ней.

С министром информации Жоа Мартинешем мне довелось встречаться еще раньше в Москве, где он находился с делегацией идеологического фронта Анголы. Пребывание в Советском Союзе произвело на него, как и на всех членов делегации, огромное впечатление, о чем он рассказал в своем интервью, опубликованном на страницах «Огонька».

Умные, немного навывкате, усталые, но веселые глаза, тонкая ниточка усов над пухлой губой, защитного цвета куртка и брюки. Бюст Ленина на столе. На стене карта мира и карта Анголы.

— Ну, что вас интересует на этот раз? Как вам понравилась Луанда, Ангола? — спрашивает министр.

— Луанда понравилась очень, а за пределы ее пока еще не выезжал.

— По правде говоря, не так уж просто выбраться за ее пределы. Дороги разбиты, мосты разрушены, средств транспорта не хватает: война всегда несет с собой жертвы и разрушения. Но что-нибудь придумаем.

Да, проблем у нас сейчас очень много, — продолжал министр. — Практически все приходится начинать с нуля. Тяжело было добиться независимости, но впереди не менее серьезная работа. Наследство мы получили небогатое: многие фабрики стоят, мало средств и, что самое главное, не хватает квалифицированных кадров. Основной костяк специалистов на фабриках и заводах, на плантациях состоял из португальцев. Более 90 процентов из них покинули Анголу, попросту бежали, бросив все позади, хотя в принципе для многих из них, если не для большинства, в этом не было никакой необходимости. В результате встали предприятия, снизились урожаи наших традиционных сельскохозяйственных культур. снабжение городов, в том числе и Луанды, продовольствием постепенно налаживается. Но опять-таки дело упирается в транспорт и коммуникации. Восстановление разрушенного требует и времени, и средств, и людских ресурсов.

С министром мы беседовали довольно долго. Затронули много вопросов, много проблем. Из всех колонизаторов португальцы были, пожалуй, самыми безответственными. В английских колониях плохо, бедно, но все-таки создавалась какая-то промежуточная административная прослойка и даже готовились кадры для низших административных постов. В основе этого лежала, конечно, не забота о местном населении, а желание поменьше тратить денег на управленческий аппарат: местным платили гроши. Что касается Португалии, то для нее колонии были не только источником наживы, кстати, не такой уж большой, ибо львиная доля доходов попадала в руки американских и других западных компаний, орудовавших в Анголе и в других португальских владениях. Являясь одной из беднейших стран Европы, Португалия в условиях салазаровского режима сбывала излишки своего населения в заморские владения. Белые португальцы занимали все административные посты в Анголе. Но многие работали даже простыми рабочими на промышленных предприятиях и плантациях — те, кто не мог найти работу дома. В руках португальцев находилась не только крупная, но и мелкая розничная торговля. С их бегством из страны создался своеобразный вакуум и в сфере экономической жизни и административной структуры.

Кстати, эти простые трудяги португальцы немало хлебнули страданий из-за своего легкомыслия. Позднее в Лиссабоне я встречался с ними не раз. Они остались без работы, без средств

к существованию, без надежд. Тем не менее их отток из Анголы продолжался. В гостинице в вестибюле их можно было видеть каждый день. Ребятишки возятся на креслах. Родители не обращают внимания на них. С озабоченными, отрешенными лицами они перебрасываются отрывистыми фразами:

— Когда следующий самолет? — доносятся слова.

— В четверг. Но билетов нет. Придется опять ждать.

Самолеты в Лиссабон идут пять раз в неделю. Но, когда я находился в Анголе, они были заполнены до последнего места. Как же все-таки глубоко укоренилось в этих людях чувство расовой несовместимости, вернее, расового превосходства, вдалбливавшееся прежними колониальными властями. Ведь правительство Анголы их не изгоняет. Наоборот, работа их ждет. Даже владельцы предприятий сохраняют на них право собственности. Правительство национализировало либо те плантации и предприятия, которые оказались брошенными на произвол судьбы, либо потому, что их хозяева саботируют производство. Мы работаем над тем, отмечал министр планирования страны Карлуш Роша, чтобы вновь привести в движение хозяйственный механизм с помощью ангольских кадров, а также с помощью оставшихся португальских специалистов. В большинстве своем это честные люди, а некоторые из них даже настроены революционно. Вместе с ними мы совместными усилиями можем взяться за решение проблем.

Сейчас началась работа по укреплению национальных государственных институтов и местных органов власти — это тоже серьезная задача. Выборы в местные органы власти Луанды, проходившие летом, показали, что народ легко мобилизуется для проведения политических кампаний. С большим энтузиазмом включилась в эту деятельность молодежь. Это и понятно: молодежь — будущее страны, ее надежда.

Настоящая Ангола начинается за пределами Луанды. Там в селах и деревнях проживает подавляющая часть населения. Эта сельская, провинциальная Ангола, как и в большинстве других африканских стран, еще очень далека даже от зачатков современной цивилизации. Поголовная неграмотность, тысячи предрассудков, темных поверий, дремучая отсталость. До сих пор деревня живет в условиях натурального хозяйства.

Побывать мне в тех отдаленных районах не довелось. Но о подготовке к наступлению на вековое невежество я читал и слышал. В Луанде состоялась торжественная церемония вручения дипломов преподавателям начальных школ, окончившим первые курсы по подготовке кадров учителей, сформированные после завоевания независимости молодой республикой.

Вручая диплом выпускникам, министр образования и культуры Антониу Жасинту ду Амарал Мартинеш сказал, что подготовка

кадров для системы народного образования — проблема государственного значения. Только для начальных школ страны, которые должны сыграть главную роль в ликвидации неграмотности, требуется более 20 тысяч преподавателей.

В будущем в Луанде планируется организация специального института по подготовке преподавателей для начальных классов. Что касается первой группы учителей, получивших дипломы, то им придется работать, как подчеркнул министр, в крайне тяжелых условиях сельской местности. Но молодежь готова к трудностям. Ликвидация неграмотности рассматривается правительством как одна из важнейших предпосылок строительства новой Анголы.

Несмотря на трудности с транспортом, небольшой «ситроэн» был предоставлен нам для поездки на север в район сахарных плантаций. Товарищ Кураду, сотрудник министерства информации, шофер, еще два ангольских товарища и я с трудом втиснулись в машину, и, миновав безжизненный, опустевший промышленный район города, мы вырвались на просторы саванны. Сейчас сухой сезон. Дождей нет, синее небо над головой со сверкающим солнцем. По обе стороны дороги — равнина с порывавшей травой и толстыми, похожими на гигантские сардельки деревьями, на макушке которых, как изломанные пальцы рук, торчат пучки ветвей. Баобаб не баобаб, но что-то похожее. Рощи высоких кактусов странной формы придают пейзажу какой-то марсианский облик. Изредка попадаются глинобитные хижины возле дороги. Деревень практически нет, и поражает отсутствие скота — травы-то везде полно. Но скот не может здесь существовать. Страшный бич скотоводов — муха цеце завладела этими местами.

Дорога идет в гору, и вскоре открывается вид на голубоватую долину с такими же фантастическими пейзажами на фоне далеких пологих холмов. Мутная речка преграждает дорогу. По временной переправе переезжаем на другую сторону. Рядом повисли на опорах бетонные пролеты взорванного моста. Камарада Курадо толкает меня в бок и тычет в окно — в кювете подбитый броневик с торчащим вверх пулеметным стволом.

— Броневик отрядов Холдена Роберто, — поясняет Курадо. — Из него так никто и не успел выскочить.

Холден Роберто, как и Савимби, орудовавший на юге, — один из ставленников международной реакции, агент американской разведки, отчаянно рвался к Луанде. Его остановили здесь части МПЛА.

Проезжаем развилку дорог. Слева транспарант с предупреждением: «Опасно, мины». Мы едем прямо. Вскоре — военизированная застава. Проверка документов. Солдаты в пятнистых маскировочных костюмах внимательно осматривают машину и пассажиров, потом машут рукой: «Проезжай».

По дороге заехали в деревушку со смешным названием Какуаку. Не так давно это был один из крупных центров рыболовства и рыбопереработки. Жоки Мануэль, курчавый, симпатичный парень, рыбак и по совместительству электрик на фабрике, производящей, вернее, производившей рыбную муку, разводит руками: фабрика стоит, рыбы нет. То есть в море ее сколько угодно. Но ловить нечем.

— Посмотрите, — показывает он в сторону моря, — ни одного сейнера не осталось. Все угнали португальцы.

Действительно, на волнах покачиваются только маленькие, утлые лодчонки, и то их и дюжины не наберется.

— Но ничего, рыбу мы все-таки будем ловить, — говорит рыбак. — Сначала на лодках, а потом и сейнеры будут. Ведь у нас теперь здесь создан кооператив, и мы его хозяева.

До поселка Тентатива добрались в полдень. Сахарный завод дымит вовсю, словно изголодался по работе. Прежний хозяин бежал, и все специалисты бежали. А на полях зрел урожай сахарного тростника. Выручили специалисты, присланные из Кубы, — они-то умеют варить сахар. За короткий срок завод был пущен и уже полным ходом дает продукцию.

— Ангольцы работают хорошо и навыки перенимают быстро, — говорит руководитель кубинских специалистов Диас Риверо. — Через некоторое время будут работать самостоятельно.

Плантации сахарного тростника «Мартиреш ду Кашиту», ставшие сейчас государственной собственностью, занимают окрестное пространство. Рубка тростника в самом разгаре, и крошечный, как игрушка, паровозик то и дело подтаскивает к заводу длинные составы с вагонетками, заполненными толстыми сладкими стеблями. Идет сахар, идет свой ангольский сахар.

В ангольских газетах прочли потом послание президенту НРА А. Нето: «Товарищ президент, от имени трудящихся сахарной промышленности страны преподносим вам символический подарок — мешок сахара первой продукции, произведенной в условиях свободы. В связи с этим мы еще раз подтверждаем свою решимость добросовестно трудиться, отдавая все усилия для того, чтобы трудовая кампания 1976—1977 годов принесла практические плоды победы ангольского народа в борьбе за построение общества, свободного от эксплуатации».

...Из окна гостиницы в Луанде было интересно наблюдать сценки уличной жизни. Несколько школьников, босоногих, в коротеньких платящих, уселись прямо на тротуаре и начали нехитрую игру в камешки. Потом вскочили и стайкой вприпрыжку побежали дальше. Группа молодых ангольцев из соседнего гаража весело толкала взад и вперед по переулку красный «мерседес» с разбитыми стеклами и погнутом багажником. Гоняли долго со смехом и шутками. Открывали капот, ковырялись внутри и опять гоняли. Наконец,

«мерседес» взревел, завелся, и все запрыгали от радости. Машина будет двигаться, стекла вставят, багажник выправят — езжайте на здоровье.

Почему-то эта сценка особенно ярко запечатлелась в моей памяти. Может быть, из-за ее символичности?

Луанда — Москва. 1976

СТОЛЕТИЯ И ГОДЫ

Как-то не верится, что я в Португалии. Хожу по Лиссабону, люблюсь архитектурными ансамблями, читаю листовки, облепившие стены, и надписи, призывающие к поддержке той или иной партии, прислушиваюсь к обрывкам фраз прохожих, стараюсь понять, уловить пульс этого города, раскинувшегося на берегах широкой реки Тежу. Задача не из легких, тем более что и времени для этого не так уж много. Но ясно одно: пульс бьется учащенно. Страна переживает сложный и ответственный период в своей жизни.

С португальской колонией я начал знакомиться давно, находясь далеко за ее пределами. Более полутора десятков лет назад, когда работал корреспондентом «Известий» в Индии, я совершил поездку в только что воссоединившийся с Индией португальский анклав Гоа. Жители радовались освобождению от колониального гнета. Позднее побывал я в португальском владении на китайской земле Макао, которое на Востоке приобрело печальную известность своими притонами, публичными домами и многочисленными заведениями для азартных игр.

В освобожденной Анголе я столкнулся, пожалуй, с наиболее печальными последствиями периода господства португальских колонизаторов. Молодая республика испытывала большие трудности из-за полного пренебрежения бывших хозяев к элементарным нуждам своей колонии. Неграмотность, практическое отсутствие системы здравоохранения, нехватка квалифицированных кадров — это далеко не полный перечень того, что досталось в наследство новой Анголе.

Честно говоря, мне казалось, что страна с таким прошлым, как Португалия, должна нести на себе печать некоей мрачности и замкнутости, что, вероятно, и было во времена правления фашистской диктатуры Салазара — Каэтану, продолжавшегося почти полвека. Сейчас же Португалия предстала передо мной как страна дружелюбных, общительных людей, страна яркая, разнообразная.

Столица Лиссабон красива и по-своему величественна. Вот площадь маркиза де Помбала, расположенная в конце широкого тенистого бульвара. В центре ее возвышается колонна, на вершине которой установлен памятник надменному маркизу. В пышных одеждах, запустив руку в гриву свирепого льва, возвышается он над

площадью. С его именем связано восстановление португальской столицы после разрушительного землетрясения, происшедшего в XVIII веке, а также попытки, правда, неудачные, высвободить Португалию из-под влияния инквизиции.

Есть разные способы знакомиться в первый раз с городом. Можно долго изучать справочники и путеводители, обзавестись картами и заранее наметать маршруты. Мне нравится другой способ — бродить до вечера пешком, вглядываться в лица прохожих, рассматривая здания и площади, заходить в небольшие ресторанчики, где наверняка завяжется с каким-нибудь словоохотливым соседом интересная беседа. Так я бродил в первый день по Лиссабону и попал в одну из самых, пожалуй, любопытных его частей — район Альфама. Это сплошной лабиринт узеньких улочек, переходов, тупиков, существующий с VIII века, некогда заселенный знатью, но теперь ставший пристанищем моряков и рыбаков, средоточием небольших ресторанчиков «табернас», посещаемых рабочим людом.

Площадь Росио также одно из самых достопримечательных мест в городе. Официально она называется площадью короля Педро IV. Это что-то вроде сборного пункта, места для встреч, и пуста она бывает лишь по воскресеньям. По остальным дням здесь жизнь и страсти кипят далеко за полночь.

Спорить есть о чем. Последние годы были насыщены большими событиями. После 48 лет фашистской диктатуры пал режим Салазара — Каэтано. Страна впервые за долгое время ступила на путь демократического развития. Рухнула и колониальная империя Португалии. Ангола, Мозамбик, Гвинея-Бисау обрели независимость. Сотни тысяч португальцев из колониальной администрации, владельцев плантаций и различных предприятий в колониях и просто специалистов вернулись в Португалию. Их часто можно встретить здесь, на площади Росио. Времени у них теперь много. Вот и ведут они свои длительные беседы, вспоминая былую вольготную жизнь в бывших португальских колониях.

Столетия существует Португалия, и лишь три с небольшим года прошло с тех пор, как восставший народ сверг фашистский режим и в стране были установлены демократические порядки. Сложен путь молодой республики, тем более что в жизнь ее постоянно вмешиваются посторонние силы, стремящиеся ликвидировать те завоевания, которые были достигнуты трудящимися страны в ходе демократических преобразований. В Португалии после апреля 1974 года была проведена аграрная реформа, была экспроприирована пятая часть земель и образовано 450 производственных коллективных предприятий. Была осуществлена национализация в промышленном секторе, где занято 15 процентов рабочей силы. Под рабочий контроль поставлено 150 крупных предприятий, и создано 700 новых производственных кооперативов. Аграрная реформа, национализа-

ция, рабочий контроль — эти завоевания португальской демократии признаны и конституцией страны. Но реакция продолжает подрывную работу. Генеральный секретарь Португальской коммунистической партии Алваро Куньял в своем интервью французскому телевидению высказал глубокие опасения в связи с политикой реставрации позиций капитализма, которая сейчас началась в Португалии. Возвращение предприятий бывшим фашистским хозяевам, которые занимались саботажем, возвращение крупным землевладельцам больших имений, которые они покинули, не отвечают ни интересам рабочего класса, ни интересам португальской демократии, подчеркнул он.

В помещении ЦК Португальской коммунистической партии кипит постоянная напряженная работа. Без конца идут посетители. После ее легализации в результате революции 25 апреля 1974 года число коммунистов за один год возросло в десять раз. А к восьмому съезду партии в 1976 году она насчитывала примерно 120 тысяч членов.

Мы беседуем с товарищем Еленой Кошта, активной коммунисткой.

— Вы знаете, — говорит она, — Португалия с экономической точки зрения одна из самых отсталых стран Европы. Нам еще очень много предстоит сделать, чтобы преодолеть эту отсталость. Аграрная реформа получила наибольшее распространение в южных районах Португалии. Здесь, на месте огромных поместий-латифундий, было легче приступить к созданию сельскохозяйственных кооперативов. На севере обстановка сложнее. Там другие условия, чем на юге, более консервативное население, много мелких собственников земли. Препятствуют проведению земельной реформы и наши местные кулаки. Сопrotивляется этому и католическая церковь. К югу от Лиссабона, вернее, от реки Тежу, многие латифундисты бежали за границу, а на севере даже трудно бывает сказать, кто истинный владелец земли: зачастую земля арендуется посредником и затем вновь сдается в аренду. Тому, кто обрабатывает участки, остается от урожая значительно урезанная доля.

Случилось так, что на юг я не смог попасть, а на севере побывал.

...Мы едем по провинции Эстремадура — звучит красиво и звучно. В переводе это означает «окраина». Странно — окраина, а расположена в самом центре страны. Потом узнал: название осталось от тех времен, когда началась борьба за освобождение португальских земель от мавров — так называемая реконкиста (отвоевание). Эстремадура была как бы пограничной территорией, к северу от нее простирались земли, подвластные португальской короне, к югу — земли, завоеванные арабами. Собственно, в ходе этой войны и родилось португальское государство, начал обособливаться португальский язык, который отличается от звучного соседнего кастильского языка приглушенными звуками, обилием шипящих, в особенности звука «ш».

Когда я направлялся в Португалию, мне почему-то казалось, что ее население представляет какую-то определенную этническую группу с ярко выраженными и схожими внешними чертами — смуглых брюнетов и брюнеток с черными глазами, «полными огня и страсти». Но, в общем, я ошибся. По крайней мере в Лиссабоне я видел лица самые разнообразные. И смуглых, и белокожих, как сметана, и блондинов, и брюнеток, и с пепельно-каштановыми волосами, и с черными, и с серыми, и даже голубыми глазами, и с орлиными носами, и курносых — все они были португальцами.

В ту минуту, когда наш гид мадам Алвареш оторвалась ненадолго от микрофона, я поделился с ней своими наблюдениями.

— Что же здесь удивительного? Вы знаете, сколько здесь всего намешалось. Впрочем, это будет интересно послушать всем.— Она снова схватилась за микрофон.

— Слушайте, пожалуйста, о том, как мы появились на свет,— начала она, для привлечения внимания похлопывая себя по колену.— Португалия, хотя и находится вдали от всех европейских перекрестков, всегда привлекала к себе внимание завоевателей. Начнем хотя бы с римских времен. Тогда, конечно, Португалии не существовало. Но люди жили здесь. На севере суровые горцы — лузитаны, которых римлянам было так трудно покорить. На юге жители занимались больше сельским хозяйством и были более цивилизованны. Римляне, конечно, оставили здесь свой след. За ними последовали германские племена, в том числе вестготы, осевшие на юге. Потом началось вторжение арабов, охватившее весь Пиренейский полуостров, также прошедшее для нас далеко не бесследно. Вот так и появились мы, португальцы.

Часа через полтора остановились у придорожной харчевни отдохнуть и поразмяться. Общая и безликая вначале масса пассажиров начала постепенно расслаиваться на составные части. Симпатичная парочка, жавшаяся все время друг к другу, оказалась четой студентов-молодоженов из Лиссабонского университета. Три сухонькие старушки американки с подсиненными волосами путешествуют уже третий месяц по Европе. Они очень похожи друг на друга и все время интересуются сувенирами. Немец из ФРГ со своей фрау оказался малоразговорчивым субъектом. Сумрачный долговязый американец Теннисон, Джон Теннисон, как он представился, был самым общительным и в несколько минут поведал, что он инженер-электрик, что ему 40 лет и он недавно похоронил любимую жену. Пытались спасти почки, сделали операцию. Уйму денег стоило, но не помогло. Вот теперь решил развеяться, поездить по свету, прожить оставшиеся деньги. Бразильская красавица, обтянутая тугими брюками, хлопала накрашенными ресницами, она профессиональная певица. Но с голосом что-то неладно.

Но, пожалуй, интереснее всех было семейство Фернандо Луиш. В городке Лейрия, где мы обедали, я оказался с ними за одним столом. Туристская компания, обслуживавшая нас, не отличалась большой щедростью, и все обставлено было по принципу «ценою подешевле». Подали жиденький суп и невкусную жареную рыбу. Семейство прошептало молитву и молча, сосредоточенно, до последних крох проглотило нехитрый обед. Потом с трудом развязалась беседа. Глава семейства, приземистый, не улыбочивый, говорит по-английски плохо, подбирая слова и все время обращаясь к сыновьям за помощью. Жулио и Жозе, высокие, видные ребята, свободно владеют английским и говорят, как американцы. Мать не произнесла ни слова, дочь, широконосая дурнушка с ласковыми глазами, тоже молчит, но улыбається.

Лет двадцать назад Фернандо Луиш с семейством покинул Португалию и переселился в США. Нужда заставила. Он рабочий-строитель, а здесь не было работы. Давно собирался побывать на родине, но все это очень дорого. Долгие годы все вместе копили на поездку, и когда в Португалии произошли нынешние перемены, решил посмотреть своими глазами, что здесь происходит.

— Вы знаете, португальцем все-таки лучше быть в Португалии, а не в США, — сказал он. — Там мы люди второго сорта.

— Ну и что же решили? Останетесь здесь?

— Нет, пока еще рано. Здесь и так безработных хватает. Там тоже с работой туго, но места за нами все же обещали оставить. Жулио вот повар неплохой, а Жозе, как и я, пошел в каменщики.

Мне говорили, что примерно десятая часть португальцев, как правило, живет за пределами своей страны. В развитых странах Западной Европы они нанимаются на самую трудную черную работу. Женщины — домашней прислугой, уборщицами, мужчины — каменщиками, разнорабочими, мусорщиками. Получают они за свой труд гораздо меньше, чем «свои», но для них это лучше, чем ничего не получать на родине.

Мы снова в дороге. Пронесются мимо светленькие деревушки с черепичными крышами, зеленые холмы с нависшими над ними легкими облачками, виноградники, оливковые рощи. Впечатление такое, как будто попал в сказку, — этакие буколические пейзажи, где все зелено, солнечно, ярко. Ну где еще увидишь сейчас экзотические ветряные мельницы или такое обилие средневековых замков с башенками и воротами, в которых, так и кажется, только что скрылась Золушка в золоченой карете? И вот на фоне этих пестрых декораций протекает суровая и трудная жизнь простых людей.

Маленький городок на атлантическом побережье Назаре — один из крупных рыболовных центров. Говорят, его жители — потомки финикийцев и карфагенян. В черных одеждах они выглядят мрачновато и замкнуто. Сейчас Назаре стал курортным центром, но

это не сделало местных жителей более общительными, и многие не бывали даже в Лиссабоне, находящемся в ста километрах к югу.

В то время как мужья в море ловят рыбу, женщины чинят сети, сушат сардины, чинят одежду. К вечеру они выходят на берег и группами ждут возвращения лодок. Потом начинается сортировка рыбы. С тяжелыми корзинами на головах уходят они с берега. Часто океан бывает коварным, и тогда кто-то не возвращается.

К югу от Назаре находится городок Пенише. В туристском справочнике я прочел буквально следующее. Это — живописное место с огромными скалами и глубокими гротами в окружающих его высоких, обрывистых берегах. Главная часть фортификационных сооружений относится ко временам короля Жуана IV, и в городе находится много прелестных домов и церквей. И ни слова о том, что этот древний форт был превращен салазаровцами в один из самых страшных застенков Португалии.

На гранитном мысу, вознесшемся высоко над морем, построена толстостенная крепость, с одной стороны которой ревет внизу океан, а с другой тянется глубокий ров. Современное здание тюрьмы было построено уже в сравнительно недавнее время салазаровскими властями. Здесь держали без суда и следствия, подвергая мучительным допросам и пыткам, сотни политических заключенных. Длительное время содержались тут видный деятель компартии Антониу Диаш Лоуренсо и нынешний Генеральный секретарь ПКП Алваро Куньял. Оба они, несмотря на строжайшую охрану, совершили в разное время поистине героические побеги из этих мрачных застенков.

С Пенише связано еще одно событие. Именно отсюда солдаты и молодые офицеры 5-го пехотного полка начали в марте 1974 года восстание против фашистского правительства Каэтану, сменившего Салазара. Их марш на Лиссабон, правда, не увенчался тогда успехом, но, безусловно, всколыхнул общественность, и меньше чем полтора месяца спустя фашистский режим в Португалии пал в результате выступлений прогрессивного крыла армии, рабочего класса и всех антифашистских сил страны.

Одновременно в ходе всех этих бурных событий рухнула и колониальная империя Португалии, создававшаяся на протяжении столетий.

Когда знакомишься с историей колониальных захватов в средние века, то на ум как-то невольно приходит один вопрос. Каким же образом удалось такой небольшой стране, как Португалия, подчинить своему влиянию обширные и сравнительно густонаселенные страны и земли? Ведь в Индии, например, испокон веков существовали крупные государственные объединения. А против них выступало каких-нибудь пять-шесть средневековых скорлупок-каравелл и подчас всего лишь несколько сотен португальских воинов, истрепанных к тому же морскими переходами. И тем не менее за несколько

десятилетий в Азии возникла целая цепочка форпостов от Португалии к западному и восточному побережьям Африки, на Аравийском полуострове, в Индии, на Цейлоне, на Малайском архипелаге. Создание первых европейских факторий в Китае и Японии — также дело их рук. Захватили они в конечном итоге и «острова пряностей» — Молуккские острова.

В их арсенале было, конечно, много разнообразных средств: прежде всего огнестрельное оружие и, главное, артиллерия, дававшая им огромное преимущество. Говорят, что сто португальских солдат почти полгода противостояли атакам пятидесятитысячной малабарской армии в Индии. Мне приходилось читать, что несколько сотен вооруженных португальцев один за другим брали укрепленные города на аравийском побережье, хотя их гарнизоны по численности превышали нападавших в десятки раз. Но главное, что помогало средневековым конкистадорам, — использование розни среди местных правителей. Они ловко умели натравливать одних соперников на других и в результате становились повелителями обоих.

Однако ни захваты новых земель и тысяч рабов-африканцев, ни богатства, потекшие в Португалию из заморских колоний, не пошли ей на пользу. Дворянство, снимавшее все пенки, утопало в роскоши, деньги проматывались, а страна, народ оставались нищими. К концу XVI века звезда Португалии начала закатываться. Большинство ее колоний постепенно перешло к более сильным хищникам — Нидерландам, Англии, Франции. Да и сама она попала на долгие годы в зависимость от Англии.

Мрачную и, пожалуй, в чем-то роковую роль сыграла в истории Португалии Англия. Еще в 1386 году между двумя этими странами был подписан первый союзный договор, так называемый Виндзорский трактат, положивший начало закабалению Португалии Англией. Позднее, несколько веков спустя, в 1703 году, был подписан Лиссабонский договор и Метугзский торговый трактат, предоставившие Англии право «охранять и защищать все принадлежащие португальской короне владения и колонии от всех ее врагов, как будущих, так и настоящих».

К чему привело это в конечном итоге? Один лишь пример. Когда мне довелось побывать в бывшей португальской колонии, а ныне свободной, независимой Анголе, мне часто приходилось слышать о деятельности компании «ДИАМАНТ», занимавшейся добычей алмазов в этой стране. Основал ее английский капитал совместно с американским и бельгийским. Она обладала монопольными правами на разработку почти всех алмазных россыпей на территории Анголы, и это право было закреплено за ней на вечные времена.

Что же получала Португалия от добычи этих алмазов? Практически ничего. Португальскому правительству принадлежало лишь пять процентов акций «ДИАМАНТа». Точно такая же картина была

и в других сферах экономики. Огромные плантации сахарного тростника, кофе, сизаля и других сельскохозяйственных культур, предназначенных для экспорта, принадлежали англичанам, в руках которых находилась практически и вся внешняя торговля Анголы на протяжении многих лет. Неудивительно, что потеря колоний так мало сказалась на самой Португалии, на ее экономическом потенциале.

Да и в самой Португалии установились порядки, весьма напоминавшие полуколонизальные. Рудники Панашкейры, где добывается вольфрам, оказались под контролем английского капитала. Точно так же обстояло дело с пиритовыми разработками Сан-Домингуша. Вывоз одного из главных предметов экспорта Португалии — пробки — попал под контроль англичан, как и производство знаменитого вина порто. Многие предприятия обрабатывающей промышленности, железнодорожный и городской транспорт, внешняя торговля страны, связь оказались в руках «старейших союзников». Правда, в последние годы, особенно после второй мировой войны, английскому капиталу пришлось немного потесниться: монополии США и другие империалистические страны захотели также иметь здесь свою долю. Но португальскому народу это тоже ничего хорошего не принесло.

Местечко Фатима — конечный пункт нашего путешествия. Знаменито оно своим храмом, и сюда дважды в год стекаются десятки тысяч людей, одержимых религиозным рвением.

Мы приехали туда в самый обычный день, но народу было немало. Пространство у часовенки, где католический патер читал проповедь, было сплошь заполнено. Высокие свечи чадили и плавилась. Огромную площадь перед собором на коленях по асфальту пересекала молодая женщина, которую держал за руку муж: надеялась таким образом избавиться от бесплодия.

Семейство Луиша взяло свечи и тоже начало молиться. Молилась бразильская певичка, молились три седенькие старушки, молодая пара студентов и даже длинный американец Джон Теннисон.

Всем им было что-то нужно от бога. На земле ведь так трудно и неуютно.

Синяя мягкая южная ночь спускалась за окнами автобуса, когда мы возвращались в Лиссабон. Все устали и притихли, каждый думал о своем, и даже наша говорливая и веселая хозяйка истратила наконец весь свой, казалось, неистощимый, огромный запас слов и фраз, жестов и мимики. Внезапно она обратилась ко мне:

— Скажите, а вы верите в бога?

— По правде говоря, нет.

— Вам что, запрещено?

— Да нет, никто не запрещает. Это — личное дело каждого. Если веришь, ходи в церковь, молись. Никто этому не мешает.

Вопросы, подобные этому, мне не раз приходилось слышать во время поездки.

Во время фашистского режима португальцы мало что знали о Советском Союзе. Строжайшая цензура не пропускала ни строчки правды. Но сейчас интерес к нашей стране огромен. Люди интересуются буквально всем. Я вспоминаю встречи и беседы на выставке, посвященной советской молодежи, состоявшейся в залах библиотеки Национального общества изящных искусств. До поздней ночи здесь толпился народ — и молодежь и пожилые люди. Интересовались и освоением целины, и строительством КамАЗа и БАМа, и учебой, и медицинским обслуживанием. Наши ребята буквально с ног валились от усталости, отвечая на все эти вопросы.

Я выписал несколько отзывов из книги для посетителей. Приведу три из них. «Посетив выставку «Советская молодежь», я восхищаюсь всем тем, что увидел на ней. Я узнал не только о том, как живет советская молодежь, но и о жизни всего советского народа. Был восхищен его достижениями. Мануэль Тизейра».

Другой отзыв: «По моему мнению, эта выставка должна быть показана в как можно большем числе районов и особенно во внутренних частях страны, где ничего не знают о советской действительности. Кошта Либоз».

И третий. Пишет пятнадцатилетняя Маргарита. «Я должна сказать только одно, что будущее за нами, молодежью, и поэтому мы должны бороться за такое общество, как в Советском Союзе, общество справедливости, равенства и мира между народами».

Несмотря на серьезные успехи в ходе процесса демократизации в Португалии, политические горизонты страны еще не очистились от мрачных туч. Фашизм пытается вновь поднять голову и лишить трудящихся всех их завоеваний. Обстановка продолжает оставаться напряженной. Впереди предстоит нелегкая борьба за закрепление демократических порядков, за новую Португалию. В этой борьбе симпатии и поддержка мировых сил прогресса и социализма будут, безусловно, на стороне португальского народа.

Лиссабон — Москва. 1977

ВСТРЕЧИ НА ЗЕМЛЕ СУОМИ

Суоми — это Финляндия. Так называют свою страну сами финны. Край голубых зеркальных озер, темно-зеленых хвойных лесов, наш северный сосед, с которым народы России имели контакты с незапамятных времен. Сейчас Финляндия отмечает 60-летие своей независимости. Эта дата самым непосредственным образом связана с Великой Октябрьской социалистической революцией, являясь ее прямым следствием. 6 декабря 1917 года сейм Финляндии провозгласил независимость. 31 декабря 1917 года В. И. Ленин подписал декрет о предоставлении независимости этому бывшему Великому княже-

ству, входившему в состав Российской империи на протяжении более столетия.

Поезд Москва — Хельсинки мягко подкатывает к Центральному вокзалу финской столицы. Моросит холодный осенний дождь. На привокзальной площади растрепанные мокрые голуби слетают с крыш на тротуары. Прохожие прячутся под зонтиками. Шуршат по мокрой брусьчатке автомашины, мягко гудит трамвай. Какая она, Финляндия? Какие они, финны? Я здесь первый раз в своей жизни, хотя кое-что, конечно, слышал, читал и знал.

Первые дни прошли во встречах и беседах. Естественно, вопросы советско-финляндских отношений интересовали в первую очередь.

В уютном кабинете беседуем с министром иностранных дел Финляндии Пааво Вяюрюненом. Он молод, но суждения его четки и определены.

Первые десятилетия существования наших государств были не особенно благоприятны с точки зрения наших взаимных отношений, говорит он. Лишь после второй мировой войны они стали на прочный фундамент. Наш выдающийся политический деятель Паасикиви пришел к выводу, что Советский Союз и Финляндия имеют много общих интересов и между ними должны быть установлены отношения дружбы и сотрудничества.

Сразу же после его избрания президентом были разработаны основные принципы политики добрососедства и развития дружественных отношений с СССР, которые впоследствии были продолжены и развиты его преемником на посту президента Урхо Кекконеном. Собственно, эти принципы и получили название линии Паасикиви — Кекконена, и ими руководствуется Финляндия в своих отношениях с СССР.

Каковы основные вехи на пути наших взаимоотношений? Прежде всего это, конечно, договор 1948 года о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между двумя странами. Это фундамент наших взаимоотношений. Не так давно, в мае этого года, Л. И. Брежнев и Урхо Кекконен подписали ряд документов, касающихся дальнейшего расширения нашего сотрудничества. Долгосрочная программа экономического сотрудничества сроком до 1990 года превосходит все, что было до этого. Она имеет для нас особенно большое значение потому, что мы не можем рассчитывать на устойчивость рынков на Западе. Возможности роста советско-финской торговли, говорит министр, это и возможности роста нашей экономики, основа нашей экономической стабильности.

Говорили мы и с министром социального обеспечения и здравоохранения Пиркко Тьюёлярви, интересной молодой женщиной. Правительство Финляндии не в пример руководителям многих других капиталистических стран уделяет этим вопросам большое внимание, и пособия по безработице или болезни в какой-то мере являются

существенным амортизатором для многочисленных экономических катастроф, затрагивающих в последнее время особенно часто простых людей.

Пиркко Тьюляarvi неоднократно бывала в Советском Союзе. Мне, рассказывает она, понравилось то, что труд человека стоит в центре внимания в вашем государстве. Это краеугольный камень вашего общества. Мне, как деятельнице рабочего движения, бросилось в глаза чувство солидарности советских людей. Они очень много значат, эти два слова — «труд» и «солидарность». На столе у меня дома лежит ваша новая Конституция. Я внимательно следила за ее обсуждением и должна сказать: это было просто великолепно. На здравоохранение и социальное обеспечение расходуется значительная доля бюджетных средств.

В поездку по городам и весям отправились несколько дней спустя. Мы — это я и сотрудник министерства иностранных дел Матти Исовиита, взявший на себя роль гостеприимного хозяина. Спокойный, уравновешенный, со светлыми глазами, умеющий только добро улыбаться и совершенно неспособный сердиться. Я ему мог предложить единственную компенсацию за хлопоты — говорить с ним все время по-русски, что он с радостью и принял: он изучал когда-то русский и хотел сейчас иметь практику.

Дорога из Хельсинки ведет на север. Мы едем в город Тампере. Тянутся бесконечные леса, расступающиеся вокруг синих озер. Изредка попадаются хутора, мелькают черные, набухшие влагой поля, желтая щетина стерни и нередко полегшие хлеба, так и не дождавшиеся покоса из-за дождей.

Тампере — один из крупных промышленных центров страны, где имеются текстильные предприятия, станкостроительные заводы, фабрики по пошиву белья и обуви. В дореволюционные времена существовала налаженная связь между русскими революционерами и рабочими этого города. Наша машина останавливается на одной из центральных улиц около старого, но добротного дома, на стене которого привлекает внимание мемориальная доска с барельефом В. И. Ленина. Здесь в 1905 году происходила Первая таммерфорсская конференция РСДРП, председателем которой был В. И. Ленин. Почти тридцать раз бывал Ленин в Финляндии, здесь у него было много друзей и знакомых.

Мы поднимаемся на второй этаж, в помещение музея Владимира Ильича Ленина, созданного по инициативе общества «Финляндия — Советский Союз». В нем собраны материалы и документы, связанные с пребыванием Ленина не только в Тампере, но и в других городах Финляндии. Сотрудница музея Ритва Валкама подробно рассказывает о работе музея, о многочисленных посетителях и на прощание предлагает заглянуть в книгу отзывов. Книга испещрена записями на различных языках. Особенно много записей советских людей.

В районе Тампере мы должны побывать на одной из лесосек, посмотреть, как заготавливают лес в Финляндии. Ведь это одно из главных богатств страны, краеугольный камень экономики. 50—55 процентов финского экспорта падает на товары, связанные с этой отраслью. Главные среди них — целлюлоза, бумага, пиловочные материалы. 90 тысяч человек непосредственно заняты в лесотехнической промышленности. 80—90 процентов изделий этой отрасли идет на экспорт.

Нам вручают карту нашего маршрута, и через час мы уже на месте. Надеваем пластмассовые каски на головы, резиновые сапоги и, прыгая по огромным заросшим мохом валунам, которыми в свое время покрывавший Европу ледник щедро засыпал Финляндию, пробираемся к стрекочущим вдали машинам. Разработку леса здесь ведет фирма Пуулааки. Она закупает его у владельцев на корню, валит, пилит на бревна и потом поставяет различным деревообрабатывающим предприятиям.

Машин таких, как эта, мне не приходилось видеть. Длинное подобие руки с двумя мощными захватами, приводимое в движение гидравлической системой, хватает дерево под самый корень, и появляющаяся откуда-то снизу пила мгновенно спиливает дерево. Включается устройство для обрубки сучьев, ствол протаскивается сквозь круглые ножи, и ветки, как травинки со стебля, срезаются в считанные доли секунды. Вся операция по обработке дерева заняла около минуты. Управляет ею при помощи небольших рычажков и кнопок один человек.

— Ты хотел посмотреть, как фермеры живут, — оборачивается ко мне Матти. — Здесь неподалеку есть одна ферма. Заедем? Кстати, передохнем.

Предложение принимается безоговорочно, и мы сворачиваем на грунтовый проселок, по которому, судя по всему, совсем недавно прошелся грейдер. Погода явно улучшилась. Проглянуло солнышко, заголубело небо, поползли с Финского залива длинные белые, как лебеди, облака. На пологом холмике, выскочив из-за лесного поворота, появился веселый аккуратный домик. Рядом хозяйственные постройки. Бродит по лужайке сердитый индюк в сопровождении индюшек. Усадьба называется «Койвумяке» — «Березовый холм». За холмом — поле, за полем опять лес.

Улыбающийся хозяин Лаури Уимонен (на вид ему не больше тридцати) приглашает посмотреть владения. Пахотной земли у него около сорока гектаров (среднеарифметический фермер имеет одиннадцать). Кроме того, сорок гектаров леса и молочная ферма с двадцатью коровами. Ферма оборудована автодоилками и автоматическим раздатчиком кормов. Наш хозяин, конечно, довольно зажиточный фермер. Судя по статистическим данным, такие фермы, как у него, составляют в стране чуть больше пяти процентов от общего числа хозяйств.

— Как идут дела? — переспрашивает он. — Достаточно скверно. В этом году всю Финляндию залили дожди. Видели, что делается на полях — многие даже урожай не смогли убрать. Я-то как-нибудь выкручусь, но все равно придется продать часть леса.

В доме нас ждали жареные карельские пирожки из ржаной муки с рисом и яйцами и свежее молоко — срое. Хозяйка, молоденькая, розовощекая, возится с маленькой дочкой. Сама она городская — из Лахти. Но вот вышла замуж и живет теперь здесь, в глуши.

— Не скучаете по городу?

— По правде говоря, нет. Мне здесь нравится. Тихо, спокойно. Кстати, мы с мужем были у вас в Ленинграде два года назад.

— Понравилось?

— Очень. Хотелось бы еще съездить, но вот дочка не пускает.

— А вы не собираетесь? — обращаюсь к мужу.

— А меня жена не пускает, — с улыбкой разводит он руками.

Сельское хозяйство дает средства к существованию 14 процентам населения страны. Основные культуры — пшеница, рожь, ячмень, овес, картофель. Но главную роль играет животноводство. Оно отличается высокой продуктивностью, и значительная часть его продуктов идет на экспорт.

У наших хозяев средний удой на корову составляет 6588 литров при четырех процентах жирности. А корова Виза, их рекордсменка, которой они очень гордятся, дала 9721 литр.

Мы прощаемся с гостеприимной четой. Нам надо заехать еще в дом Яна Сибелиуса — он по дороге — и спешить дальше, в Турку.

Снова поля и леса за окном, снова изменилась погода, хлещет дождь в ветровое стекло. Серый день сменяет черная ночь. Фары автомобиля выхватывают на поворотах из мрака темные ели и облетевшие березы. Редко вблизи населенных пунктов попадаются прохожие. Сначала виден пляшущий огонек на обочине — небольшой рефлектор, прицепленный к одежде, а потом уже проступают контуры фигур.

Матти напряженно вглядывается вперед, исправно переключая, где положено, скорость, соблюдая все дорожные знаки.

— Слушай, — спрашиваю я его, — как бы ты охарактеризовал типичного финна, каковы его главные черты?

Матти встряхивается, бросает на меня прищуренный взгляд, задумывается.

— Ну что тебе сказать, — произносит он наконец. — Прежде всего он не любит, когда в его дела нос суют. Работать может и работает на совесть. В старые времена на наших землях без этого было не прожить. Не любит, когда у соседа дела идут лучше, чем у него, старается не отстать. Медлителен и невозмутим, любит одиночество...

Матти опять замолкает, не желая, по-видимому, противоречить собственной характеристике, данной своим соотечественникам. По

правде говоря, я не заметил, чтобы финны были уж очень молчаливыми и малообщительными, хотя корректная сдержанность, безусловно, им присуща.

В Турку побывали на концерте хора имени Пятницкого, благо в Москве на него не так легко попасть. Впрочем, в Финляндии тоже. Билеты нам взяли заранее. Зал переполнен. Каждый номер — сплошные овации. Куда только делась эта «медлительность» финнов. Аплодировали стоя, «в унисон». В перерыве зашли за кулисы. Художественный руководитель хора В. С. Левашов рассказывает, что такой прием всюду, везде концерты идут с аншлагом, хотя в Финляндии они гастролируют уже третий раз.

Турку — второй по величине город Финляндии. Крупный промышленный центр. Здесь находятся большие судостроительные верфи. Широко развита пищевая, обувная, швейная промышленность. Здесь два университета — финский и шведский. Две высшие торговые школы и много других учебных заведений.

Отсюда семьдесят лет назад В. И. Ленин с большими трудностями с помощью финских друзей пробирался по тонкому льду пролива на один из островов, где его подобрал пароход «Боре». Так начался почти десятилетний период его эмиграции. Кстати, и возвращался он обратно в революционную Россию опять-таки через Турку.

Сейчас в городе возведен памятник великому вождю. Бронзовый бюст Ильича, выполненный советским скульптором Аникушиным, возвышается на красном гранитном постаменте в центральной части Турку. Памятник был открыт по случаю празднования 60-летия Октябрьской революции и 60-летия государственной независимости Финляндии. Это был подарок от города-побратима Ленинграда.

Каждое государство имеет свою историю, свое национальное лицо, вносит свой вклад в международные дела, указывал Л. И. Брежнев. Нетрудно видеть, что именно в условиях разрядки малые страны могут более активно, с большей отдачей поработать в пользу мира. Пример тому — Финляндия, укрепление международного авторитета которой не может не радовать всех искренних друзей этой страны.

Столица Финляндии Хельсинки стала сейчас признанным центром проведения различных конгрессов и собраний ряда международных прогрессивных организаций. Здесь находится штаб-квартира Всемирного Совета Мира, объединяющего борцов за мир в различных концах Земли. Широкую поддержку этой организации оказывают сторонники мира Финляндии.

Нам удалось встретиться и побеседовать с видной деятельницей этого движения, лауреатом международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» Мириам Вире-Туоминен. В помещении, где находится эта организация, идет деятельная работа. Мириам показывает только что отпечатанные плакаты, посвященные 60-летию Октябрьской революции и независимости Финляндии,

плакаты, призывающие к поддержке народов Африки в их борьбе против колонизаторов. Сейчас идет кампания по сбору средств и одежды для населения Южной Африки.

У нас самые широкие и разносторонние связи с комитетами защиты мира во всех странах, в том числе и в Советском Союзе, говорит Мириам. Конечно, мы самым непосредственным образом включились в кампанию по празднованию 60-летия Октября и независимости Финляндии. Во многих городах проводятся марши мира, состоятся митинги протеста против нейтронной бомбы и другие мероприятия. Должна сказать, говорит наша собеседница, что в этой деятельности принимают участие студенты и молодежные организации практически всех политических партий, кроме крайне правых. Сейчас многое переменялось в сознании людей, и самый главный вывод, к которому пришло подавляющее большинство нашего народа, — это то, что можно и нужно крепить дружеские связи с Советским Союзом.

За время пребывания в Финляндии мы побывали на многих предприятиях, встречались и говорили с очень многими людьми. На огромных заводах компании Раума-Репола видели, как изготавливается оборудование для советских предприятий в Норильске, Светогорске и других. Видели, как строятся морские корабли для Советского Союза на финских верфях. Побывали там, где делают холодильники, закупаемые нашей страной. В городе Ловисе посетили атомную электростанцию, построенную в сотрудничестве с Советским Союзом и уже дающую электроэнергию. Вторая такая же электростанция мощностью в 420 тысяч киловатт, расположенная рядом, через несколько месяцев также вступит в строй. Короче говоря, взаимовыгодное сотрудничество между двумя странами приобрело четкие, конкретные и стабильные очертания. И самое главное — везде и всегда мы сталкивались с неизменно дружеским, теплым отношением к нам со стороны жителей Финляндии.

Хельсинки — Москва. 1977

КРЕСТ МАГЕЛЛАНА

Когда летишь из столицы Филиппин Манилы на юг, то под крылом самолета в густой синеве моря проплывает целая россыпь изумрудных островов — крупных и маленьких, пустынных и густо заросших тропическими деревьями, замысловатых, причудливых форм и плоских, круглых, как блины, коралловых атоллов, обрамленных мохнатыми кокосовыми пальмами, с белоснежной пеной прибоя возле желтых песчаных берегов. На этих семи тысячах островов, из которых две трети еще не имеет названий, и раскинулась страна с 45 миллионами жителей, принадлежащих в основном малайской этнической

группе, страна, получившая свое имя от коварного и мстительного владыки Испании XVI века короля Филиппа Второго — Филиппины.

Немногим более четырех с половиной столетий назад, а точнее, 7 апреля 1521 года, к острову Себу в центральной части архипелага подошел большой парусный корабль, каких здесь дотоле никто не видел. С него на берег сошли бородастые усталые люди в шлемах и латах и водрузили прямо на песчаной отмели большой деревянный крест, утверждавший принадлежность этих земель испанской короне и лону католической церкви. Это была экспедиция Магеллана, отправившаяся из Испании в первое в истории человечества путешествие вокруг нашей планеты.

Наблюдавшие за этой процедурой местные жители и не подозревали о том, что их «открыли» и что в их жизни скоро наступят большие перемены. Можно предполагать, что жители острова Себу, числом восемьсот, включая местного вождя Хумабона и его супругу, восприняли крещение как непонятную, но забавную церемонию. Хумабон убедил вождей с других мелких островов тоже пройти обряд крещения. Бог белых пришельцев не сулил пока никаких неприятностей, зато корабельные орудия и сверкающие в ярких лучах южного солнца палаши спутников Магеллана производили убедительное впечатление. Один из этих вождей, по имени Зулу, враждовал с повелителем соседнего острова Мактан — Лапу Лапу. Трудно сказать, в какой мере повлияло на решение Магеллана объявить поход на Мактан то обстоятельство, что он получил в подарок от Зулу двух коз. Скорее всего Магеллан хотел продемонстрировать военное могущество белого человека и показать бессмысленность какой-либо оппозиции. Но Лапу Лапу был не из трусливого десятка. Он оказал решительное сопротивление этому карательному походу. Результат известен: здесь, на Мактане, оборвалась жизнь великого мореплавателя. Вместе с ним погибли восемь его спутников.

Впоследствии Магеллан был причислен католической церковью к лику святых. Вождь Лапу Лапу такой чести не удостоился. Но ныне на Филиппинах он почитается как первый борец против иностранных захватчиков, и его профиль вычеканен на самой мелкой алюминиевой монетке достоинством в один сантимто.

Хуан Себастьян дель Сано возглавил команду корабля «Виттория» в ходе дальнейшего плавания к берегам Испании, которым и было доказано практически, что Земля все-таки круглая. Несколько десятилетий острова, где нашел свой конец отважный Магеллан, не посещал никто, и Лапу Лапу дожил свой век спокойно.

Но про них не забыли. Завоевание Филиппин связано с именем Мигеля Лопеса Легаспи, отправившегося в экспедицию из покоренной к тому времени испанцами Мексики. Кстати, и вся последующая колонизация Филиппин осуществлялась мексиканскими наместниками испанского короля. Огнем и мечом насаждались католичество, чуждые

нравы и обычаи, прививался дух покорности всемогущей власти иноземцев. Так было триста пятьдесят лет.

От тех времен остались руины старинной крепости Сант-Яго на берегу реки Пасиг в Маниле и катакомбы Интрамураса (внутреннего укрепленного города). При испанцах крепость в более позднее время использовалась в качестве тюрьмы. Здесь провел свои последние дни выдающийся деятель Филиппин, известный поэт и борец за независимость, национальный герой Хосе Рисаль. Он был расстрелян в 1896 году, в самом начале общенационального восстания против испанского владычества, и сейчас на месте гибели патриота, посреди носящего его имя парка, высится воздвигнутый ему памятник.

Хосе Рисаль, отдавший жизнь за свободу своей родины, так и не узнал, что на смену испанским колонизаторам придут другие — американские господа. В ходе всенародного восстания испанское иго было свергнуто, и в 1898 году была провозглашена независимая Филиппинская республика. Американцы сначала объявили себя союзниками филиппинцев в борьбе за свободу. Но затем, когда из-за испано-американской войны Испания, уже фактически потерявшая Филиппины в результате восстания, отказалась от них в пользу США, американский башмак бесцеремонно наступил на горло эфемерной свободе. В итоге массовых карательных операций и репрессивных мер погибли сотни тысяч филиппинских патриотов. Их сопротивление было сломлено к 1902 году.

Чтобы понять настоящее, полезно бывает иногда заглянуть в прошлое. Когда речь заходит о современных Филиппинах, то обычно слышишь фразу: «Что же вы хотите от страны, которая прожила более трехсот лет в испанском монастыре и пятьдесят лет в Голливуде?» Наслоений всякого рода здесь великое множество. От испанцев остались звучные имена, названия многих городов, поселков и деревень. Осталась католическая религия — ее исповедует больше 80 процентов населения. Остались красочные празднества «фиесты» в честь святых патронов. От «голлиудского периода» остались любовь к решению споров при помощи пистолета, конкурсы красавиц (кстати, на международных конкурсах филиппинки очень часто занимали первые места) и многочисленные заведения сомнительного характера на бульваре Рохаса в Маниле. От самих филиппинцев, какими, вероятно, их встретил Магеллан, осталась приветливая улыбка, веселый, общительный характер и беспокойный, иногда вспыльчивый темперамент.

Американский флаг был спущен на Филиппинах еще в 1946 году. Но страна оказалась опутанной целой системой неравноправных соглашений, которые ущемляли жизненные интересы народа. Экономическое соглашение отдало Филиппины во власть американского бизнеса. По нему американские дельцы пользовались да и сейчас пользуются теми же правами, что и местные граждане, во всех сферах

деятельности, начиная от эксплуатации природных ресурсов и кончая торговлей. Правда, соглашение оговаривает, что филиппинцы теоретически тоже пользуются в США такими же правами, как и американцы. Но на практике это выглядит так же, как право кролика съесть удава. Несмотря на то, что срок этого договора истек, американская сторона не проявляет готовности идти на уступки.

Кстати, соглашение о военных базах, по которому на Филиппинах созданы крупнейшие базы Кларк Филд, откуда совершались налеты на Вьетнам, и Субик — опорный пункт кораблей 7-го флота США, является предметом довольно длительных переговоров между США и Филиппинами. Президент Маркос настаивает на изменении целого ряда статей договора. Его основное требование касается пересмотра права на экстерриториальность американских военнослужащих, освобождающего их от ответственности перед филиппинским законодательством, а также установления филиппинского суверенитета над базами. Однако вопрос о ликвидации военных баз не ставится, и они по-прежнему будут представлять угрозу для мира в этом районе.

Всегда, когда попадаешь в город, где ты побывал раньше, начинаешь невольно выискивать что-нибудь новое. Манила где-то в чем-то изменилась. Стала почище, поспокойнее, хотя и не менее шумна. Я помню, как в один из предыдущих приездов мой сосед по самолету, веселый, разговорчивый итальянец, предупреждал: «Смотрите, ни в коем случае не садитесь в такси один. Если вас никто не встретит, давайте добираться до гостиницы вместе. Так безопаснее. Это все-таки Манила».

Действительно, не так давно Манила славилась разгулом бандитизма и насилия. Поздним вечером на улицы выходить не рекомендовалось. В газетах то и дело появлялись сообщения об убийствах и ограблениях. В других городах Филиппин положение было не лучше. Политические боссы имели свои наемные шайки и даже целые вооруженные отряды, которые терроризировали население, и часто исход борьбы на выборах в парламент или муниципалитет решал самый действенный аргумент — пуля или подброшенная вовремя бомба.

Сейчас в Маниле значительно спокойнее. Большое количество оружия у населения изъято, бандиты ушли в подполье или сели в тюрьму. Многие связывают снижение уровня преступности с введением в 1972 году в стране президентом Маркосом чрезвычайного положения, в результате чего он сосредоточил в своих руках всю полноту власти. Это дало ему, в частности, возможность принять решительные меры по борьбе с преступными элементами.

Одним из самых благоустроенных районов Манилы можно считать муниципалитет Макати. Неподалеку находятся так называемые «деревни миллионеров», среди которых Форбс-Парк — одна из старейших. Богатство отгородилось от бедности высоким забором,

и вход сюда, в Форбс-Парк, как и в другие такие поселения, охраняется днем и ночью вооруженной стражей.

А бедность, она рядом, за этим самым забором. Десятки тысяч обитателей Манилы живут в трущобах, где лачуги сделаны из чего попало: досок, кусков жести, картона, тряпок. Жалко смотреть на замызганных, полуголых, а часто и совсем голых малышей, копошащихся в грязи у порога своего жилища, в то время как отец или мать заняты поисками работы.

Особенностью жизни современных Филиппин является огромная пропасть между богатыми и неимущими слоями населения. Верхушка общества, составляющая ничтожную часть населения страны, владеет почти всем. К ней примыкает сравнительно небольшая прослойка чиновничьего аппарата и интеллигенции. А там, внизу, в подножии социальной пирамиды, миллионы и миллионы людей, практически ничего не имеющих, кроме своих рук, для которых и работу не всегда найдешь. То, что принято называть «средними слоями», на Филиппинах практически отсутствует, и между верхушкой пирамиды и ее основанием образовался своеобразный вакуум. Это придает особую остроту социальным конфликтам и нередко является причиной отчаянного политического экстремизма.

Проведение земельной реформы и наделение безземельных крестьян землей (за выкуп) осуществляются медленно и с большими трудностями. Как и прежде, подавляющую часть крестьянства составляют арендаторы, отдающие землевладельцам значительную долю урожая. Тяжелое положение крестьян заставляет их мигрировать в города в поисках хоть какой-либо работы. Именно за их счет пополняются ряды обитателей трущоб в районе манильского порта и в других районах столицы и прочих городов.

Проблема филиппинского крестьянина, да и вообще вся проблема сельского хозяйства в странах Азии, — одна из наиболее актуальных. Особую остроту ей придает неимоверно быстрый рост населения. Здесь, на Филиппинах, семья, где имеется семь — десять человек детей, считается вполне обычной, средней. Представители так называемых высших слоев общества в этом смысле не исключение.

Несколько цифр: половина всего населения Филиппин моложе 16 лет. Трое из каждых четырех филиппинцев — моложе 25 лет. В начале нашего века на Филиппинах было 7 миллионов человек. Сейчас их 44,4 миллиона, а к концу века даже при условии, что программа планирования семьи даст какие-то результаты, ожидается, что на архипелаге будет проживать 75 миллионов человек. И хотя климат Филиппин благодатен для произрастания самых разнообразных культур, хотя земли плодородны, а жители трудолюбивы, прокормить такое количество населения — дело не простое.

Главный продукт питания во всех странах Юго-Восточной Азии — рис. От риса, его урожайности зависит благосостояние огромной массы

крестьянства. Поэтому, естественно, выведение новых сортов риса, разработка новой сельскохозяйственной технологии и внедрение механизации могли бы способствовать улучшению жизни беднейших и самых многочисленных слоев населения. Этими вопросами занимается Международный научно-исследовательский институт рисоводства в городке Лос-Баньос, имеющий прямое отношение к тому, что получило в мировой прессе название «зеленая революция». Успехи у него, безусловно, есть, о чем говорит хотя бы появление целой серии высокоурожайных сортов риса. Однако надеждам, связанным с проведением «зеленой революции» в странах Азии, не суждено было осуществиться. И сам термин вызывает сейчас лишь скептическую улыбку.

Для широкого использования новых сортов необходимо предварительно провести целый ряд важнейших мероприятий. Необходимо создать определенную технологию возделывания. Новые сорта нуждаются в удобрениях, в более интенсивных сроках уборки и т. д. Но самое главное — необходимы социальные преобразования. Без них никакие преимущества новой технологии ничего не дадут подавляющему большинству местного крестьянства. Как может крестьянин, владеющий крошечным наделом, думать о покупке удобрений, не говоря уже о современных сельскохозяйственных орудиях, когда он семью-то кормит впроголодь.

Недавно мне в руки попался доклад Азиатского банка развития о положении в сельском хозяйстве стран Азии за последние десять лет. Этот банк, штаб-квартира которого находится в Токио, занимается не только финансовыми операциями, но и проводит некоторую исследовательскую работу. Так вот, в этом докладе говорится, что за последние десять лет деревня в Азии стала еще беднее и что жизненный уровень 335 миллионов человек в странах — членах этого банка ниже официальной черты бедности. Сельскохозяйственное производство росло более медленными темпами, чем население и спрос. В отдельных странах производство зерна на душу населения фактически сократилось. Прогнозы на ближайшее будущее отнюдь не успокаивают. Экономисты Азиатского банка развития полагают, что дефицит зерновых в этом районе достигнет к 1985 году 24—30 миллионов тонн. На Филиппинах, в Малайзии, в Бирме и Шри Ланке безработица уже сейчас охватывает 10—20 процентов рабочей силы. Большие надежды, порожденные десять лет назад «зеленой революцией», отмечается в докладе, не осуществились...

На Филиппинах, как и в некоторых других странах, многие представители китайской общины — хуацяо, как называют их в Китае, — приняли новое гражданство и даже поменяли свои китайские имена на местные.

— Наше положение довольно сложное, — сказал мне однажды некий Тонио Гонсалес, в котором, несмотря на его испанское имя,

нетрудно было узнать чистокровного китайца. — Местное население и власти смотрят на нас с подозрением. Потому я и стал Гонсалесом.

До поры до времени пекинские власти обращали мало внимания на китайцев, проживающих за рубежом. Однако в последнее время судьбой хуацяо заинтересовались высшие круги китайской иерархии. Не так давно в Пекине состоялось совещание, в повестке дня которого стоял вопрос об активизации деятельности китайских эмигрантов. Их намереваются использовать для проведения внешнеполитического курса пекинских властей, а их капиталы — для осуществления так называемых «четырех модернизаций» — в промышленной области, военной подготовке, сельском хозяйстве, науке и просвещении.

О попытках Пекина использовать хуацяо для своих целей говорит хотя бы сообщение индонезийской газеты «Брита буана» о раскрытии индонезийскими властями крупной подпольной организации на острове Ява, занимавшейся шпионажем в пользу КНР. В ходе следствия выяснилось, что в организацию входило около 100 человек китайской национальности, в том числе военнослужащие КНР, нелегально проникшие в Индонезию по фальшивым документам. Ее руководители регулярно получали из Пекина специальные инструкции о методах и формах подрывной деятельности в Индонезии.

Нельзя не согласиться и с болгарской газетой «Работническо дело», которая писала недавно о том, что решение пекинских лидеров насаждать среди китайцев за рубежом идеи великодержавного шовинизма и чувство «превосходства» над другими народами, их стремление проводить агрессивную, авантюристическую политику, их деятельность по созданию «пятой колонны» — все это представляет серьезную опасность как для государств, где находятся многочисленные и влиятельные китайские колонии, так и для дела мира во всем мире.

Коррехидор — небольшой остров в форме запятой с длинным хвостиком, пристроившийся у самого входа в Манильский залив. Остров этот во время второй мировой войны обильно полит кровью и филиппинцев, и американцев, и японцев...

По узкой ровной дороге автобус тяжело ползет в горы, туда, где находились укрепления с дальнобойными береговыми орудиями, подземными казематами, складами, казармами. По обе стороны дороги сплошные заросли колючих кустарников, сквозь которые, кажется, невозможно пробраться живому существу. За кустарником — развалины этих самых казарм. Обрушившиеся пролеты, висящие на железной арматуре балки, пустые проемы окон — все оставлено, как было. Здесь одиннадцать тысяч американских и филиппинских солдат оказались словно в ловушке.

Мне говорили, что, когда японцы готовились к своему первому налету на Коррехидор, союзные солдаты, ничего не подозревая, смотрели какой-то фильм. Потом началось светопреставление.

Мощные орудия оказались бесполезными. Генерал Макартур, командовавший американскими войсками на Филиппинах, перебрался со своим штабом в туннель Мелинта, построенный в одном из холмов на острове. Этот туннель недавно отремонтирован — он кое-где начинал обваливаться — и сейчас открыт для туристов. Впоследствии Макартур при соблюдении строгой секретности, оставив свои войска, сумел ускользнуть на присланном за ним катере в Австралию. Остатки защитников Коррехидора были взяты в плен. Налет на Филиппины японцы начали всего через семь часов после разгрома Пирл-Харбора.

Филиппинцы боролись упорно: ведь борьба шла за их землю. Одним из тех, кто отличился в боях, был нынешний президент страны Фердинанд Маркос, получивший наибольшее число военных наград из всех филиппинцев.

В конце войны история повторилась в обратном порядке. Японцы упорно не хотели сдавать Коррехидор, а американцы их бомбили с самолетов. Бомбили они нещадным образом и столицу Филиппин Манилу. В общем-то итоге больше всего досталось самим филиппинцам и от тех и от других.

За последние годы многое изменилось не только на Филиппинах, но и вообще в этом районе земли. Позорный провал империалистической авантюры в Юго-Восточной Азии, перемены, происшедшие на Индокитайском полуострове, произвели большое впечатление и на рядовых жителей и на руководящие круги государства этого района. Престиж США уже давно упал почти до нуля, и не только потому, что США потерпели здесь сокрушительное поражение. Просто всем стало ясно, что они поддерживали в том же Вьетнаме откровенных подонков, не имеющих ничего общего с вьетнамским народом и его истинными интересами.

Впервые на Филиппины я попал почти пятнадцать лет назад. Тогда советских людей здесь почти не знали и о нашей жизни черпали представления из американских пропагандистских источников, утверждавших, что в СССР детей отбирают у родителей и воспитывают в специальных лагерях (пионерских), и прочие нелепости.

Я помню, как была ошеломлена молоденькая сотрудница банка, когда я предъявил свой паспорт при обмене денег. Она никак не могла поверить, что я русский, советский, из Москвы.

— Так вы такой же, как все! — воскликнула она с некоторой долей разочарования и недоумения. Для нее, напичканной всякими небылицами о жизни в Советском Союзе, встреча, даже мимолетная, с советским человеком была поистине открытием. Что же говорить о тех, с кем мне приходилось беседовать значительно дольше. Я не помню название того католического колледжа, куда меня пригласили на встречу с его воспитанниками. Получилось как-то совсем неожиданно, и я не мог отказаться. Меня буквально закидывали

вопросами, и я едва успевал отвечать на них: что такое комсомол, как знакомятся между собой юноши и девушки, какую музыку у нас любят, как одеваются, что едят, какие у нас города, есть ли у нас автомобили и т. д.

Один молчаливый паренек вдруг расхрабрился и спросил меня, что такое лучина. Я не сразу понял, о чем он говорит. Попытался выяснить, но еще больше запутался. Тогда паренек протянул мне какую-то газету, где, как это ни странно, был маленький раздел уроков русского языка. Вот какой диалог я там прочитал:

«— Ваня, пойди, наколи лучину, а то ночь скоро.

— Я уже наколол, мама.

— Ну хорошо, лезь тогда на печь».

Ссылка внизу гласила: лучина используется в России для освещения домов после захода солнца.

Можно понять, сколько мусора скопилось в головах у этих ребят.

* * *

В городе Себу, на острове с тем же самым названием, на одной из центральных улиц находится небольшая часовенка, расписанная сценами высадки здесь Магеллана. В часовенке — дощатый крест на каменном постаменте. Если присмотреться, то можно обнаружить, что доски служат как бы обшивкой чего-то находящегося внутри. Рассказывают легенду, будто внутри сохранены остатки того самого креста, который был водружен здесь Магелланом. Впрочем, скептики утверждают, что все это более поздние проделки святых отцов из католической церкви, и скорее всего так оно и есть.

Но как бы там ни было, тяжелый колониальный крест филиппинский народ нес четыре столетия. Сейчас страна является независимой. Но еще очень много предстоит сделать, чтобы эта независимость приобрела тот облик, который соответствовал бы требованиям современности и интересам филиппинского народа. Преодоление экономической отсталости, ликвидация нищеты, развитие культуры — те неотложные задачи, которые стоят сейчас перед страной и народом.

Манила—Москва. 1978

РЯДОМ С ЭКВАТОРОМ

До экватора отсюда действительно рукой подать: едва ли будет полторы сотни километров. Ночь и день поделили здесь сутки почти ровно пополам. Звезды загораются над Сингапуром в половине седьмого вечера, и через двенадцать часов приходит рассвет. Дни

бывают разные — иногда хмурые, с морозящими дождями и мокрым асфальтом. Часто солнечные и веселые, с оранжевыми восходами на востоке. Бывают и бурные, с порывистым ветром, с яркими молниями и оглушительным треском грома, когда сквозь рваные просветы в тучах лишь изредка проглядывает голубое небо. Сейчас в Сингапуре зима. Но практически круглый год погода не меняется, и в это время лишь немного побольше дождей.

Впрочем, и город и жители мало внимания обращают на погоду. Сингапур слишком занят. Лихорадочно бьется пульс этого островного государства с того самого дня, когда республика обрела независимость в 1965 году. Задача заключалась в том, чтобы уцелеть, выстоять в жестокой схватке с империалистическими конкурентами, сохранить эту независимость. Ведь у Сингапура практически ничего нет, кроме 588 квадратных километров земной суши (и то во время отлива), 2 миллионов 300 тысяч человек населения и омывающих остров морей и проливов. Никаких природных ресурсов. Даже воды не хватает, несмотря на обилие дождей, и в значительной степени Сингапур покрывает свои потребности в ней за счет поставок из соседней Малайзии.

Сингапур можно объехать часов за шесть-семь. От границы до границы сорок два километра в длину и двадцать два с половиной в ширину. С соседней Малайзией он связан широкой дамбой, так что многие уже не считают его островом. Но лучше всего он просматривается с горы Фабер, одной из самых высоких местных вершин, «вознесшейся» на 150 метров над уровнем моря. Здесь немного прохладнее, чем внизу. И воздух суше из-за постоянного свежего бриза, играющего листьями пальм, огненных бугенвилей и ароматных плюмерий, рассыпавшихся яркими пятнами по крутым склонам. Отсюда можно обозреть почти все государство.

На картах мира оно представлено, как правило, точкой. Но его роль и значение определялись и определяются другими параметрами. Английский лорд сэр Стамфорд Рафлс, выторговавший за бесценок у султана соседнего малайского княжества Джохор этот остров и перенесший сюда сто шестьдесят лет назад свою резиденцию из Батавии (ныне Джакарта), знал, что делал. Сингапур, находившийся у входа в Малаккский пролив, быстро утвердил себя как форпост английской колониальной политики на Востоке, как один из важнейших рычагов английского влияния в этом районе земли. Это был английский город. С английскими зданиями в деловых кварталах, с улицами, носящими имена английских адмиралов и губернаторов, со всем порядком жизни, выработанным на протяжении многих десятилетий английским колониальным чиновничьим аппаратом в странах Востока.

У основания колониального Олимпа копошились люди. Они тянули на себе повозки, груженные копррой, перцем и другими

пряностями, фруктами — всеми богатствами Востока. Они забивали чрева кораблей товарами, тащили на своих спинах по шатким сходням тяжелые тюки с каучуком. Они прислуживали заморским господам.

Как они живут, что думают и что делают, мало кто из европейцев знал и даже интересовался. Китайцы, приехавшие сюда из континентального Китая в поисках заработка, индийцы, завербованные для работы на плантациях, или малайцы, населявшие остров со стародавних времен, — вся эта мозаика народов являлась пестрым, но безликим фоном для литературных повествований даже таких прославленных авторов, как Редьярд Киплинг, Джозеф Конрад, Сомерсет Моэм. Они писали об англичанах и для англичан.

Сингапур — молодая республика. У нее еще продолжается переходный период от старого колониального прошлого к новой, современной цивилизации. Эта мешанина старого и нового является, пожалуй, самой характерной чертой города. Здесь перепутались, переплелись и речь, и одежда, и нравы, и религии, и национальности. И лишь одно различие соблюдается четко и скрупулезно — между богатством и бедностью. Эти полюса не сходятся. Богатый китаец, богатый индеец, богатый европеец живут рядом, в своих, как правило, районах, в современных, удобных высотных домах с превосходными квартирами, месячная плата за которые превосходит зачастую годовую зарплату среднего сингапурца.

Сингапур начинался с моря, и его фасад до сих пор обращен к морю. Здесь от устья речушки с тем же названием, что и сам город, тянутся строгие здания крупнейших банков, штаб-квартир нефтяных монополий, коммерческих фирм. Но за этим величественным фасадом начинается другой Сингапур — двух- и трехэтажный, с прижатыми друг к другу домами с замшелыми черепичными крышами, с запахом дыма от очагов, тлеющих ритуальных сандаловых палочек, острого соевого соуса, сушеной рыбы. Это так называемый Китайский город, непременное место паломничества американских и других западных туристов, желающих вкусить кое-что от старой колониальной экзотики.

Он действительно колоритен, этот старый город. Отовсюду доносятся звуки китайской музыки, духовых оркестров, сопровождающих похороны, в лавчонках сверкают повернутые в сторону входа зеркала, чтобы отпугивать злых духов. Тут же на улице мать моет голых бронзовых детишек, рикша подсчитывает свою грошовую выручку, ребятишки, пристроившись на ящике, едят палочками свой нехитрый обед, купленный у владельца передвижной кухни.

Здесь, в китайском квартале, который практически никогда не спит и где жизнь не затихает все двадцать четыре часа, обитает прошлое Сингапура, его вчерашний день — то, что уже явно исчезает. На него наступают деловые кварталы. Старые дома колониального периода

уже никто не ремонтирует: хозяева знают, что их неизбежно снесут и на их месте возникнут сверкающие полировкой новые, современные здания.

В другом районе Сингапура, в кварталах, прилегающих к улице Серангун, явно проступают черты другой культуры, другого образа жизни — индийской.

Индийцев в Сингапуре значительно меньше, чем китайцев, составляющих три четверти всего населения республики. Но они сохранили также свои обряды, обычаи, привычки. Женщины — в ярких сари, с красными сандаловыми пятнышками на лбу. Мужчины — в белых дхоти. В воздухе носятся запахи горелого масла, цветов. Здесь можно купить такие же, как в Индии, горшки и кастрюли, кашмирские шали, бенаресские браслеты, чеканные изделия из хайдарабадской бронзы, мадрасские и бомбейские ткани. Речь темнокожих тамиллов, быстрая и журчащая, как бормотание ручья, звучит попеременно со спокойным, пронизанным собственным достоинством говором сикхов из Пенджаба — в белых чалмах, со строгими, красивыми лицами. Индийцы, как и китайцы, обосновались в Сингапуре давно, практически с самых первых лет его существования. Колонизаторам были нужны дешевые рабочие руки, и их везли по контрактам на чужую землю, которая впоследствии стала родной для их потомков.

Малайцы — коренные жители острова. Они также сохранили свои нравы и обычаи. Часть их живет еще в деревеньках-кампонгах, утопающих в тени кокосовых пальм на восточном и западном побережьях острова. Но большинство переселилось в пределы городской черты, вернее расширяющийся город вобрал в себя значительную часть этих деревушек. Малайцы более медленно вовлекаются в водоворот современной жизни и интересов. Однако, несмотря на это, им отдается дань признательности, и официально малайский язык считается государственным, хотя практически в наибольшем ходу английский и китайский.

Этот разноплеменный, разноязычный состав населения создает, безусловно, свои немалые трудности для Сингапура. На протяжении многих лет национальные общины рассматривали Сингапур как временное пристанище, и все их мысли и чувства были обращены к тем странам, откуда они вышли. Главным образом это касается, безусловно, китайцев и индийцев, многие из которых до сих пор имеют связи с Китаем и Индией. Но обстановка все же меняется. Правительственная политика направлена на то, чтобы создать единый, органически спаянный конгломерат, связанный какими-то общими целями и интересами. «Мы не китайцы, или индийцы, или малайцы, — говорили мне во время бесед правительственные чиновники. — Мы все сингапурцы».

Процесс консолидации этих общин в единое целое в общем-то идет, хотя и, может быть, замедленными темпами. Молодое поколение сингапурцев резко отличается от стариков. А следует сказать, что люди моложе 25 лет составляют около половины всего населения республики.

Целый ряд обстоятельств способствует эрозии старых нравов и обычаев. Власти республики уже давно ведут строительство новых жилых массивов для средних и малооплачиваемых слоев населения, где квартиры предоставляются за сравнительно умеренную плату. Естественно, что здесь уже нет условий для сохранения той резко очерченной национальной обособленности, которая еще есть в старых районах.

Большое значение имеет и система образования в республике. Практически все дети посещают школу, общаются между собой и сближаются уже с ранних лет. С развитием промышленности республики также происходит стирание национальных граней.

Вместе с тем следует подчеркнуть и другое обстоятельство. В условиях капиталистической системы эта «модернизация» сингапурского общества привносит с собой и ряд других явлений, и на них уже неоднократно обращали здесь внимание. Это касается прежде всего опасности культурной опустошенности людей, оторвавшихся от своей среды. Мне не раз приходилось слышать, что Сингапур открыт всем ветрам и всем влияниям. Но практически он оказался открытым в первую очередь влиянию Запада со всеми его негативными атрибутами. На экранах кинотеатров демонстрируются, как правило, западные, в основном американские, фильмы. По телевидению сингапурцы смотрят детективы и ковбойские боевики американского производства.

В Сингапур ежегодно приезжает не меньше полумиллиона туристов. Это, кстати сказать, одна из крупнейших статей дохода страны. Но среди этих туристов немало деградировавших, опустившихся людей, духовно опустошенных и к тому же наркоманов. Естественно, находятся подражатели этому западному стилю жизни.

Есть, однако, опасность и другого рода для планов создания единого сингапурского национального сообщества. Она исходит от маоистского руководства в Пекине. С некоторых пор Пекин усилил свою закулисную деятельность среди «хуацяо» (так называют зарубежных китайцев). Для Сингапура, где, как говорилось, подавляющая часть населения состоит из выходцев из Китая, это грозит разжиганием шовинистических настроений, что чревато весьма неблагоприятными последствиями для молодой республики.

Сингапур — крупнейший финансовый центр всей Юго-Восточной Азии, где сконцентрированы огромные резервы так называемой «твердой» валюты, исчисляемой десятками миллиардов американских долларов. В небоскребах на улице Шентон-уэй расположились

конторы крупнейших мировых банков — японских, американских, английских, канадских и других. Иностранный капитал льется сюда широким потоком потому, что здесь созданы благоприятные условия для различных спекуляций, а также, как писал итальянский журнал «Эспрессо», потому что «рабочие не бастуют, профсоюзы контролируются правительством, а у компаний полная свобода в вопросах приема на работу и увольнения».

Иностранные компании делают здесь большие деньги, но об истинных размерах их прибылей не знает никто. Уличные менялы на Рафлс-плейс — одной из самых старых площадей Сингапура — маленькие фигуры в валютно-финансовой системе капиталистического мира. Но они служат наглядным олицетворением стихии капиталистического рынка. Здесь можно обменять любую валюту на какую вам угодно, по курсу, который за некоторыми исключениями официально не зарегистрирован нигде. Прямо на улице меняют английские фунты, французские франки, западногерманские марки, японские иены, португальские эскудо, турецкие лиры и, конечно, американские доллары. И этот денежный рынок не менее чутко реагирует на все изменения валютных курсов, чем крупные банки.

За последние шесть-семь лет американский доллар сильно «похудел». Со времени, когда обострился валютно-финансовый кризис, его стоимость в отношении западноевропейских валют, а также японской иены, сингапурского доллара снизилась по крайней мере на 35—40 процентов.

В схватке на валютно-финансовом ринге современного капитализма страны Юго-Восточной Азии, в том числе и Сингапур, практически не принимают участия. За них все решает «клуб десяти» — десять богатейших государств капиталистического мира во главе с США. Но, конечно, нельзя считать, что эта схватка между «богачами» их не касается.

Экономика Сингапура в огромной степени зависит от торговли. Нарушается существующая система обмена валют — нарушается вся система цен на товар, начинает лихорадить все звенья экономики.

Сингапурский порт — четвертый в мире по грузообороту после Нью-Йорка, Роттердама и Иокогамы. Это, по сути дела, перевалочная база товаров и для соседних стран. Прекрасно оборудованный, работающий круглые сутки, он зарекомендовал себя как один из лучших портов мира. Идет погрузка, гремят лебедки. С кораблей, пришедших из Европы, США, Японии, выгружаются автомашины, станки и оборудование, предметы ширпотреба. В обратном направлении отправляются товары попроще и подешевле — сырье, лес, продукты сельского хозяйства.

На небольшом катерке с веселым названием «Свежий ветер» отчаливаем от Клиффорд-пирса в поездку по акватории порта. Небоскребы отодвигаются, становятся меньше, толчея кораблей на

рейде становится все более ощутимой. Каких только кораблей здесь не встретишь! Проржавевшая почти до дыр старая «калоша» из Гонконга, сверкающий свежей краской флинтшайр из Ливерпуля, «Ямики-мару» из Иокогамы. А вот под советским флагом идет к причалу в порт «Иван Гончаров». С ним расходится белоснежный «Раджа Брук» под малайзийским флагом. Снуют лихтеры, обвешанные автомобильными шинами, катера всех размеров, тащат куда-то буксиры баржи. Внешне кажется, что царит полная неразбериха: кто, куда, зачем? Но дирижер здесь один — жесткий, требовательный, и ему подчиняются все, — прибыль. Она заставляет капитанов считать минуты простоя, кубические футы недогруженных трюмов, центы и доллары, затраченные на погрузку.

Погрузка на рейде стоит дешевле, чем у причала, поэтому многие не заходят в порт.

В мире чистогана нет места для сантиментов. И даже когда кто-то терпит бедствие и даже гибнет, проходят мимо них. Мне рассказывали в Советско-сингапурском смешанном пароходном агентстве, как наш «Брянский рабочий» спас двадцать тайваньских моряков. Они потерпели бедствие в Малаккском проливе и болтались несколько дней кто на доске, кто на плотках, кто на спасательном кругу. Малаккский пролив — это не какие-нибудь морские задворки. Это одна из самых напряженных водных артерий мира, через которую ежедневно проходят сотни, а то и тысячи судов. Но люди болтались в море, и никому до них не было дела. Корабли проходили мимо, хотя людей отлично все видели. Почему? Если подберут — в порту сразу будет задержка. Нужно будет оформлять документы, а это потеря двух дней, а вместе с ними и потеря не менее семи тысяч долларов. Так пусть люди лучше идут на дно.

Малаец-рулевой берет немного правее, и скоро мы входим в пролив, отделяющий Сингапур от острова Сентоса. Начинаются судоремонтные доки «Кеппель», дальше контейнерный порт. Преодолевая сильное течение, обходим западный берег Сентосы, где еще сохранились потемневшие бетонные остатки дотов времен второй мировой войны. Сентоса была как бы Кронштадтом Сингапура. Но отсюда не было произведено ни одного выстрела. Японцы, которых английское командование ждало с моря, захватили Сингапур совершенно неожиданно с тыла, из Малайи.

Вдали, на разровненных и плоских, как блины, островах высятся перегонные комплексы нефтяных компаний «Шелл», «Эссо», «Мобиллойл» и других. Огромные танкеры с нефтью из Персидского залива перекачивают содержимое в сверкающие на солнце серебристые баки. Сингапур — крупнейший в Юго-Восточной Азии центр по переработке нефти. Но ему перепадают лишь крохи. Львиная доля достается этим нефтяным международным гигантам.

Заехали на наш корабль «Пеленгатор», стоявший на рейде. Побеседовали с капитаном Барановским Анатолием Марковичем, первым помощником Диденко Александром Степановичем, комсоргом Арсентьевым Юрием Анатольевичем. «Все в порядке, настроение хорошее, по дому соскучились, но нам не привыкать. Будем дальше везить грузы». Особенно вкусным показался русский борщ на экваторе.

Возвращались, когда уже спустились густые тропические сумерки. Сзади сиял слегка покосившийся Южный Крест, впереди — опрокинутый ковш родной Медведицы. Промчался, подняв сильную волну, таможенный катер — похоже, ловить контрабандистов. Зазвучала музыка с какого-то сухогруза. Засветились окна небоскребов на берегу, и засияли огни реклам. Сингапур завершал свой напряженный трудовой день.

Сингапур — Москва. 1978

АНГЛИЯ БЕЗ ТУМАНОВ

Два буксира, похожие на черных жучков, с трудом оттащили огромный корабль-паром от причала и вывели на чистую воду. После двухдневной тряски на поезде через всю Европу с удовольствием вдыхаешь свежий воздух и наслаждаешься беспредельным морским простором. Хук-ван-Холланд, голландский порт, остался за кормой. Впереди Гарвич близ Лондона. Время раннее, за окном рваные тучи сеют мелкий дождь и дует порывистый ветер.

Побродив по палубам, от нечего делать присел в просторном вестибюле у кормы. Пассажиров немного, но здесь почти все места заняты. Полный собственного достоинства бармен в роговых очках ловко и быстро наполняет кружки пенящимся пивом, неслышно скользят официанты. Напротив у стены расположилось семейство англичан. Жена вяжет и негромко разговаривает с мужем. На полу возятся ребятишки — тоже тихо и неназойливо. На них никто не обращает внимания. В углу на диване два немца с девицами — один рыжий, как мандарин, другой черный. Уловил несколько фраз на немецком. На них тоже никто не обращает внимания. Спросил у соседа рядом, сколько плыть до Гарвича. Он вскинул удивленно брови и ответил не спеша: шесть-семь часов — и снова умолк. Мне даже стало как-то неловко — побеспокоил человека.

В вагоне поезда, еще когда стояли у Белорусского вокзала, чуть не добрая половина пассажиров в первые минуты завязала знакомство, и начались разговоры, кто куда едет. А здесь много людей, но ты один, и все изолированы друг от друга какой-то невидимой, непробиваемой стеной.

Четырехлетний малыш сорвался за своим братишкой, но споткнулся и больно шлепнулся около моего кресла. Я помог ему подняться. Он озадаченно посмотрел на меня, потер ушибленный лоб и побежал дальше. Его мать оторвалась от вязанья, слегка улыбнулась, но не двинулась с места. Я уселся поглубже в кресло и начал читать статью о Лондоне в попавшемся где-то под руку журнале.

Лондон — это город городов, источал восторги автор. За две тысячи лет существования он многое испытал — и хорошее и плохое. Он создал величайшую империю в мире и затем отказался от нее. Это был первый величайший промышленный центр, город первого парламента, арена бесчисленных социальных и политических экспериментов. Моцарт исполнял свою первую симфонию в Лондоне, и Карл Маркс начал писать здесь свой «Капитал». Это город, где свершались страшные убийства, город шпионов, аукционеров, хирургов и королей рока. Лондон имеет пять симфонических оркестров, 11 ежедневных газет, девять кафедральных соборов, одну из самых протяженных систем метро. Это обиталище последней великой монархии — Виндзорской династии. Лондон — это все что нужно. Если вы устали от Лондона, сказал доктор Сэмюэль Джонсон однажды, вы устали от жизни.

Я не устал от жизни, и после этих слов Сэмюэля Джонсона, определявшего литературные вкусы Англии в XVIII веке, я с нетерпением стал ожидать свидания с этим выдающимся городом конца XX века. Он встретил меня сияющим солнцем, голубым небом, зелеными парками, нарядными витринами магазинов, шумом уличной толпы. Знаменитых лондонских туманов и нудных, морозящих дождей мне не довелось увидеть ни в столице, ни в других городах. Все говорили, что мне крупно повезло.

Уже в гостинице я сразу почувствовал перемены с тех времен, когда мне впервые довелось здесь быть лет пятнадцать назад: тогда я имел номер в три раза лучше за цену в четыре раза дешевле. Что подделаешь — фунт изрядно подешевел, а стоимость жизни подскочила.

Но время нечего терять. Нужно посмотреть город. Здесь ведь есть что посмотреть — и древностей полно и сегодняшний день интересен. Лондонский Тауэр — старинная крепость, обитель древних королей -- пристроился на северном берегу Темзы.

Рядом с Вестминстерским мостом, также на берегу реки, раскинулось монументальное здание английского парламента с замысловатыми украшениями в готическом стиле. С одной стороны от него башня знаменитых часов «Биг Бен», а за парламентом — Вестминстерское аббатство. Под его сводами не прекращаются реставрационные работы. В одной из галерей разговорился со скульптором, занятым реставрацией. Он повел в мастерскую, показал новые, вытесанные из белого камня копии фигур святых и епископов,

которые будут установлены взамен разрушившихся от времени и непогоды на карнизах. Потом пошли посмотреть церковь. По дороге он рассказывал об истории этого древнего сооружения, где короновались все английские короли начиная с Вильгельма Завоевателя и где находятся могилы Ньютона и Дарвина и памятники Шекспиру и Диккенсу. Заросший седой бородой до самых ушей, с умными, живыми глазами г-н Айрес, как он отрекомендовался, просто тронул меня своим вниманием и какой-то естественной доброжелательностью. Я сказал ему об этом и о своих наблюдениях на пароходе-пароме.

— Во-первых, — ответил он, — я не англичанин, а уэльсец. А вторых, и англичане бывают разные.

Да, действительно разные, подтвердил позднее один из моих коллег-журналистов, проживший в Англии не один год. Но все же у англичан можно проследить и много общего. У них есть неписанные, но четкие нормы поведения, которые соблюдаются достаточно строго. В английскую жизнь нельзя вторгаться, ее нужно постигать постепенно, шаг за шагом. Тогда можно найти ответы на многие вопросы. Для англичанина поговорка «Мой дом — моя крепость» не просто фраза. Он законченный индивидуалист и всегда отстаивает свое право на независимость. Ты заметил, что на тебя никто не обратил внимания на пароме. Так же никто не обращает внимания и на улице. Каждый идет по своим делам, и улица не место встреч. Если попросишь помочь — помогут, если заблудился — растолкуют, как добраться, но никаких уличных знакомств и ненужных разговоров. Для этого есть пабы-кафе и другие места, где можно расслабиться. Но с незнакомыми людьми англичанин всегда держится настороженно.

Одна из достопримечательностей Лондона — его знаменитый Гайд-парк. О нем писано-переписано и сказано-пересказано. Но тем не менее, говоря о Лондоне, нельзя обойти его стороной. Наибольшей известностью пользуется та его часть, которая носит название Мраморной Арки. Здесь находится тот «уголок ораторов», где каждый может произнести речи о чем угодно, кроме особы королевы. И, представьте себе, говорят. Взгромоздившись на деревянный ящик, рыжебородый субъект в красной бархатной шапочке ратует за создание министерства любви, которому следует, по его мнению, предоставить право инспектировать способность всех граждан любить и быть любимым. Несет, в общем, похабщину, но публика слушает и смеется. Транспарант, укрепленный рядом, извещает, что он анархист.

Рядом «социалист» объявляет о создании новой партии. Подальше пастор нудно и монотонно читает молитву, которой внимают несколько старушек. Пожилой сгорбленный человек таскает транспарант, на котором написано: «Конец близок». Он уговаривает поверить наконец в бога. Чернокожий африканец предлагает избрать его в премьер-министры Англии, и тогда он решит все проблемы страны.

Короче говоря, большинство ораторов паясничает, публика развлекается, иностранцы щелкают аппаратами, а «бобби» — полицейские двухметрового роста — следят за тем, чтобы порядок не нарушался. «Бобби» не зря здесь присутствуют. Иногда страсти разгораются, и им приходится вмешиваться.

Когда-то этот «уголок», может быть, и играл свою роль в общественной жизни Англии. Он до сих пор изображается как один из атрибутов «английской демократии», как средство осуществления на деле основного права человека — права на свободу слова. Но, несмотря на это, с правами человека в Англии дело обстоит не так уж просто. Тот же прогуливающийся со сложенными руками за спиной полицейский может вас запросто упечь за решетку. В книжке, предназначенной для приезжающих в Англию иностранцев, «Альтернативный Лондон» я прочел такие слова: «Даже вы не обладаете иммунитетом против ареста, так что вам следует знать, что делать в этом случае. Если вы выглядите не совсем обычно (из-за вашей прически, одежды или цвета вашей кожи), вам необходимо это знать в еще большей степени, так как шанс быть арестованным у вас больше, чем у других». Далее описывается целая серия приемов, с помощью которых полиция может засадить вас в тюрьму, и советы, как вести себя со стражами закона и порядка, если не хочешь попасть к ним в лапы. Приемы настолько изощренные и разнообразные, что мне как-то и самому захотелось держаться подальше от этих «бобби».

Когда бы ни пришел я в Гайд-парк, здесь всегда народ. У прудов с лебедями и дикими гусями и утками, берущими корм прямо из рук, сидят в шезлонгах и греются на солнышке чистенькие, припудренные старушки и аккуратные старички. Там и сям валяются на траве, подложив под голову газету, люди. Особенно много молодежи. Кажется странным, что такому количеству людей нечего делать в самый разгар рабочего дня.

Бывает, что у Мраморной Арки разгораются слоры и по острым социальным вопросам. Англия находится уже давно в состоянии перманентных социальных потрясений. Являясь одним из столпов политической и экономической структуры современного капитализма, она испытывает на себе и все тяготы и последствия этого обстоятельства. Активное участие в НАТО, членство в европейском Общем рынке не проходит даром. Экономика снова пришла в упадок. Фунт обесценивается, цены растут, безработица также, жилищ не хватает. Зато растут прибыли монополий, банков, промышленных корпораций.

Находящаяся на службе монополий английская печать пытается переложить вину за создавшееся положение на рабочих, требующих якобы слишком многого для себя. В журнале «Уикэнд», рассчитанном на типичного серого обывателя, я прочел статью под заголовком «Приободритесь — вы живете лучше, чем вы думаете». Из-за постоянных жалоб на рост стоимости жизни можно подумать, что мы

являемся нацией бедных и обездоленных, пишет журнал. Однако в действительности никогда мы не жили так, как сейчас. У нас сейчас лучше жилища, мы лучше питаемся и одеваемся, чем когда-либо раньше. У нас больше автомашин и предметов домашнего обихода.

Те, кто говорит о «старых добрых временах», не помнят голодные тридцатые годы, когда было обычным явлением видеть разутых детей в лохмотьях. Быть безработным или уволенным с работы означало нищету.

Сейчас мы пьем больше пива, пишет журнал, чем десять лет назад, — свыше ста литров в год на каждого мужчину, женщину или ребенка. Мы также пьем в четыре раза больше вина и крепких напитков, чем прежде, десять лет назад.

Вывод напрашивается сам собой: так зачем же требовать лучшего, зачем бастовать?

В этом же номере журнал обрушился и на рабочих. «Уикэнд» уверяет, что английские рабочие бастуют по всяким пустякам. Любой повод может быть использован — начиная с вопроса о спецодежде и кончая туалетной бумагой. Почти 10 миллионов рабочих дней было потеряно в Англии в прошлом году в результате забастовок, и далеко не все они имели причиной требование о повышении зарплаты.

Действительно не все. Даже в этой статейке упоминается о том, что поводом для забастовок были и плохая вентиляция на предприятии и увольнение профсоюзного работника владельцами фирмы. Рабочий класс Англии упорно боролся за свои права и кое-чего сумел добиться. Но сейчас на профсоюзы идет новое очередное наступление с тем, чтобы в законодательном порядке лишить их этих прав и, в частности, ограничить их право на забастовки.

Но вернемся в Гайд-парк, к этим не знающим куда себя девать людям. Многим из них попросту нечего делать. Это безработные. Их в Англии около полутора миллионов, и значительная часть из них — молодежь. «Никогда мы не жили так, как сейчас», — писал «Уикэнд». А вот что утверждает в объявлении бюро по трудоустройству молодежи:

«Сейчас в Британии больше молодежи, не имеющей работы, чем когда-либо после войны. В некоторых районах это участь каждого третьего. Причем они не какие-то лодыри, не желающие трудиться, а жертвы реального состояния экономики страны. Они обращались к нанимателям иногда десятки раз, но слышали в ответ, что у них нет шансов получить работу, поскольку они не имеют квалификации и практического опыта. Так, даже не переступив порога жизни, они оказались выброшенными на свалку».

Число англичан в возрасте до 25 лет, не имеющих средств к жизни, за последние пять лет возросло более чем вчетверо. Как отмечала газета «Санди таймс», Англии принадлежит западноевропейский рекорд по доле молодежи в общем числе безработных — до 40 процентов.

...До столицы Шотландии Эдинбурга от Лондона около 600 километров. Лучше всего добираться ночным поездом.

В Эдинбурге была тоже яркая, солнечная погода. Позвонил г-ну Элиоту, одному из руководителей Ассоциации Великобритании—СССР. Эта ассоциация, созданная еще во время прошлой войны, имеет целью способствовать развитию культурных связей между двумя странами. Г-н Элиот пришел в сопровождении г-на Меллона, высокого, худощавого, прилично говорившего по-русски. Решили пройтись пешком до старой крепости, а потом уже проехаться по городу.

Не знаю, то ли виновата в этом погода, то ли общество двух удивительно приятных людей повлияло, но Эдинбург произвел на меня самое большое и отрадное впечатление. Как будто попал в сказочный город. Здания со шпилями и башенками, старинные дворцы, крепостные стены. Город чистенький и какой-то весь нарядный и светлый. Мы привыкли называть Соединенное Королевство Англией. Но Англия — это лишь часть страны. Шотландец никогда не назовет себя «англичанином» и даже «британцем». Он принадлежит к другой национальности, у которой свои обычаи, своя история, своя культура, свой стиль жизни и даже где-то в чем-то утраченный, но свой язык. Шотландия долго боролась за свою независимость от Англии. И сейчас шотландцы продолжают требовать для себя автономии.

— Мы хотим для себя самоуправления, — говорит г-н Элиот. — Хотим иметь свою ассамблею-парламент. Мы не претендуем на полную независимость. Это нереально. Финансы, оборона, внешние сношения должны находиться в ведении центрального правительства. Но что касается наших внутренних дел, развития нашей экономики, сохранения особенностей культуры — это уж, позвольте, наше дело. Вы знаете, шотландское виски производится только у нас. Но из каждых 5 фунтов, составляющих стоимость одной бутылки, четыре идет в казну центрального правительства. Справедливо ли это?

Шотландцы считают, что правительство Великобритании на протяжении долгих десятилетий пренебрегало их нуждами и интересами. Приходят в упадок традиционные отрасли промышленности Шотландии из-за нежелания предпринимателей вкладывать деньги в их модернизацию. В Северном море вблизи Шотландии были открыты богатые залежи нефти, но и это не отразилось ни в какой мере на жизни населения. Катастрофически высок здесь уровень безработицы, падает уровень жизни трудящихся, приходят в запустение города.

Особенно гнетущее впечатление произвел на меня Глазго. Когда-то это был второй центр Британской империи, город металлургов и судостроителей. Сейчас сотни домов на восточной окраине зияют пустыми провалами окон. Улицы захламлены. В некоторых районах безработица составляет 20 процентов. «У ребят в этом городе всего лишь одна мечта в жизни, одна цель, — писал лондонский журнал

«Обсервер», — выжить, пока они не станут взрослыми и не смогут навсегда покинуть Глазго». С начала шестидесятых годов число рабочих мест в Глазго сократилось на 90 тысяч человек в результате жестокого кризиса в области металлургии и судостроения.

Проблемы Шотландии явились одной из важнейших причин, приведших к поражению лейбористского правительства Англии на майских выборах и приходу к власти консерваторов.

...Снова Лондон. Находившись за день по городу накануне отъезда, решил присесть в сквере и отдохнуть, осмотреться. Ветерок гнал сухие листья, солнце клонилось к западу, вихрастые мальчишки в неизменных полувылинявших джинсах гоняли на велосипедах. Худощавый благообразный старичок с мохнатой, как швабра, собачкой, увидев меня, тоже тихо присел рядышком. Я заметил, что в парках Лондона англичане действительно гораздо разговорчивее, чем, скажем, в автобусе или метро. Может быть, потому, что они приходят сюда отдохнуть, расслабиться, освободиться от психических и физических перегрузок, накопленных за день. Как бы там ни было, симпатичному старичку, как мне показалось, очень хотелось вступить в контакт. Я решил помочь.

— И часто у вас такая великолепная погода стоит? — обратился я, извинившись, к нему, хотя великолепно знал, что не очень часто. Но надо же было как-то начать, а спросить о погоде в Англии считается вполне допустимым и приличным.

— Не очень часто, но бывает. А вы, значит, недавно в Лондоне? — в свою очередь, поинтересовался он.

— Всего несколько дней на этот раз. Но лет пятнадцать назад я был здесь какое-то время, ожидая парохода на Бомбей.

— Так вы были и в Индии?

— Да, около пяти лет там провел.

— Мне тоже изрядно пришлось побродить по этому району. Еще до войны отправился туда «делать состояние». Был управляющим на каучуковой плантации в Малайзии. Это времена моей молодости, а о них всегда вспоминаешь с удовольствием. Состояния я не сделал. Жена умерла, детям не нужен. Живу вот один с Рексом. Кстати, меня зовут Гарви Кирк.

Много этих обломков империи доживает сейчас свои дни дома, в Англии. Но есть и другие обломки.

На улицах Лондона, да и других городов постоянно встречаешь индийцев, пакистанцев, жителей Африки в их ярких, красочных одеждах, особенно бросающихся в глаза на монотонном фоне английских улиц. Именно против этих «цветных» открылась в последнее время целая кампания на Британских островах. Английские расисты говорят, что из-за небелых иммигрантов коренным англичанам приходится испытывать массу трудностей и с жильем и со школами, которых не хватает. Да и с работой из-за них

становится еще тяжелее. Этими настроениями, кстати, заражены и многие английские обыватели, не желающие понять истинное положение вещей и проявлять элементарный здравый смысл.

Откуда появились эти люди на Британских островах? Это жители бывших английских колоний, большинство из которых имеет британские паспорта. В свое время из их числа набиралась рабочая сила для самых черных и низкооплачиваемых работ в самой Англии. Сейчас специальными законами въезд для таких «английских подданных» резко ограничен. У себя дома их тоже считают «иностранцами». И часто им попросту некуда податься.

Вообще-то говоря, этих «цветных иммигрантов» в Англии не так уж много и требования расистов о том, что их необходимо переселить с Британских островов, направлены на разжигание расовой ненависти в стране, — выходцы из Азии и Африки составляют немногим более трех процентов населения.

Мы покидали Гарвич хмурым утром. Шел моросящий дождь, и небо заволокли серые тучи. Корабль-паром развернулся в сторону Голландии. Вновь предстоял путь через всю Европу домой.

Лондон — Москва. 1979

АФГАНИСТАН: ПЛАМЯ БОРЬБЫ, ПЛАМЯ СВОБОДЫ

В Кабуле распустились деревья, их серые стволы окутаны нежно-зелеными облачками молодой листвы. Зеленым травяным ковром покрылись городские скверы и парки, розовые с тонким запахом цветы усыпали ветки абрикосовых деревьев. А над головой — купол синего неба, с которого льет свои щедрые лучи яркое солнце.

Кабул окружают горы — как ожерелье, почти со всех сторон. Над всем возвышается заснеженный Гиндукуш. У подножия этих гор люди жили с незапамятных времен. Эти горы помнят и походы Александра Македонского и времена расцвета и заката бактрийского царства, государства кушан, арабского халифата. Афганистан — перекресток дорог, ведущих с запада на восток и с севера на юг. Менялись времена, приходили новые люди, одна религия сменяла другую. Но одно оставалось неизменным. Были владыки и были подданные. Были богатые и были бедные. Были сильные и были слабые. В прошлом веке Афганистан попал в зависимость от заморской державы, которая до того дважды безуспешно пыталась покорить страну. Это была Великобритания. В начале нынешнего века Афганистан освободился от колониальной зависимости. Власть сосредоточилась в руках короля. Народ по-прежнему оставался бесправен. Люди пахали землю примитивными орудиями, возделывали пшеницу на арендованных у помещика землях, отдавая за это половину урожая. Голодали,

мерзли в суровые январские морозы и молились о ниспослании лучшей жизни. Но аллах был милостив не ко всем.

Все так и шло до 27 апреля 1978 года, когда народ всколыхнулся и сбросил старый режим. Апрельская революция в Афганистане стала поистине важнейшим событием в многовековой истории этой страны, в судьбах миллионов населяющих ее людей. Она коснулась всех слоев общества. Подавляющее большинство встретило ее с восторгом. Меньшинство, владевшее всем, — со злобой и ненавистью.

Слушая здесь заморское радио, не перестаешь удивляться озлобленности и официального Вашингтона и всех американских и других пропагандистских служб. Вокруг Афганистана идет дикая свистопляска. Белый дом бряцает оружием и грозит блокадами. Распространяются самые беспардонные фальшивки в связи с временным пребыванием ограниченного контингента советских войск в Афганистане. Изобретаются различные «версии» по поводу «истинных» целей Советского Союза в Афганистане и курса политики афганского революционного правительства. А в принципе ведь вопрос предельно ясен. Все знают, что Афганистан был и пока еще остается одной из самых бедных и отсталых в экономическом и культурном отношении стран мира. Сорок тысяч крупных помещиков владели здесь 60 процентами всех обрабатываемых земель, в то время как полтора миллиона крестьян вообще не имели земли. Грамотность была привилегией избранных — и сейчас от 85 до 90 процентов населения неграмотно. Невежество, суеверия — обычное явление в деревнях, в которых проживает 90 процентов жителей страны. Это факты, в общем, не новые и уже неоднократно фигурировавшие в печати. Что же удивляться, если в наш XX век, век автоматике, кибернетики, атомной энергии, афганские патриоты решили бороться за то, чтобы вытащить свою страну из трясины невежества, предрассудков и нищеты. Они в 1965 году создали партию, поставившую своей целью консолидацию прогрессивного движения в Афганистане. Народно-демократическая партия Афганистана в конечном итоге одержала победу, совершив Апрельскую революцию. Это были честные, отважные, горячие люди, которые в первую очередь думали о судьбе своего народа, своей страны, о ее будущем и будущем миллионов афганских детей. Эти люди совершили поистине героическое деяние, всколыхнув весь народ, посеяв в нем надежду на лучшую жизнь. Революционная волна смела прежний режим. НДПА, стоявшая во главе революции, вскоре провозгласила целый ряд прогрессивных преобразований в интересах развития страны, в интересах повышения культурного и материального уровня жизни трудящихся. Среди них земельная реформа, реформа образования и целый ряд других.

Казалось бы, взят хороший старт. Но революцию ждало еще много испытаний. Реакция, и внутренняя и международная, приступила к мобилизации своих сил. В Афганистане зашевелились банды,

начались убийства ни в чем не повинных людей, развернулась кампания упорного сопротивления всему новому.

Я думаю, для правительства Афганистана не составляло бы особого труда разгромить эти банды бывших феодалов, если бы они действовали сами по себе, без чьей бы то ни было поддержки. Но в том-то и дело, что им на помощь ринулись все внешние враги народного Афганистана. Среди них империалистические державы во главе с США, арабские государства, из числа реакционных, пакистанские власти и немедленно примкнувший к ним Пекин. В конце декабря 1978 года пакистанская печать, а также английские и американские информационные службы впервые сообщили о создании на территории Пакистана учебных лагерей и тыловых баз для афганских контрреволюционных банд.

Большой вред делу афганской революции нанес Хафизулла Амин, захвативший власть путем переворота в прошлом году. Время его правления было отмечено разгулом террора, притеснением духовенства, торговцев и даже простых крестьян. Нам довелось побывать в мрачной тюрьме Пули Чархи, расположенной километрах в тридцати от Кабула у подножия невысоких гор. Мы беседовали с ее нынешним комендантом капитаном Захиром Рамьяром, который сам просидел в ней девять с половиной месяцев. Раньше он был артиллеристом-ракетчиком, командовал батареей. Он член НДПА. За что его посадили?

— За то же, что и всех. Амин истреблял кадры, рвался к единоличной диктаторской власти. А кончил тем, что оказался предателем собственного народа, предателем революции. Мне кажется, — говорит капитан, — Амин намеренно избрал политику дискредитации социализма, Апрельской революции и целей НДПА. Иначе как объяснить эту волну массовых репрессий, а также ряд необдуманных преждевременных реформ, не учитывающих особенностей данного момента — отсталости населения, сильного влияния духовенства, национальных особенностей. Не секрет, что своей политикой он вызвал лишь недовольство населения.

Капитан провел нас по тюремным дворам, показал опустевшие камеры. Жуткое впечатление: ни кустика, ни травинки, только желтая, голая глина. И стены, высокие, прочные стены из тесаного камня. Наружная — метров восемь высотой, затем внутренние стены и за ними уже тюремные корпуса. Приоткрыв одну из дверей, капитан произнес:

— Вот здесь за один только день было расстреляно больше ста человек. Кровь ручьем лилась из-под двери в коридор.

В результате народного восстания режим Амина был свергнут. Это было 27 декабря 1979 года, и с этого времени начался второй этап Апрельской революции. Падение Амина вызвало взрыв ярости в Вашингтоне, тем более что, откликнувшись на свои договорные

обязательства, по просьбе афганского правительства Советский Союз временно ввел в Афганистан ограниченный контингент своих войск с целью оказания бескорыстной дружеской помощи афганскому народу в отражении внешней агрессии. Однако, что бы ни вопила американская пропаганда, Советский Союз и Афганистан руководствуются уже давно сложившимися между ними отношениями. С афганской стороны нас связывает давняя дружба. Молодая Советская республика первая в мире, еще 27 марта 1919 года, объявила о признании независимости афганского государства и протянула руку помощи. Благодаря этой поддержке независимый Афганистан смог приступить к укреплению своей государственной самостоятельности. В письме В. И. Ленина и М. И. Калинина на имя короля Афганистана от 27 мая 1919 года отмечалось, что «установлением постоянных дипломатических сношений между двумя великими народами откроется широкая возможность взаимной помощи против всякого посягательства со стороны иностранных хищников на чужую свободу и чужое достояние». Советско-афганское сотрудничество началось задолго до Апрельской революции. Автоматические хлебозаводы, автомобильные дороги, домостроительный комбинат, завод азотных удобрений — это лишь часть того, что было построено еще при короле и его преемнике. Не для королей и феодалов это строилось. Это создавалось для народа Афганистана.

Когда над афганским государством нависла опасность внешнего вторжения, Советский Союз не мог остаться в стороне. Он действовал полностью в соответствии с Уставом ООН, в соответствии с афгано-советским договором о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве. Наши войска в Афганистане осуществляют благородную и высокую миссию защиты интересов дружественного государства и дружественного народа от внешних врагов.

О том, что это враги, вооруженные до зубов империалистическими державами и Пекином, свидетельствуют многочисленные факты. Горы оружия захватывали афганские правительственные войска в ходе операций против бандитов. А совсем недавно здесь, в Кабуле, было продемонстрировано химическое оружие, оказавшееся в руках бандитов, на котором стоит клеймо «сделано в США». В этом могли убедиться все иностранные журналисты и дипломаты, присутствовавшие на пресс-конференции, происходившей в Кабуле. Был продемонстрирован фильм о смертельном действии этих отравляющих веществ на животных.

Стычка с бандой произошла в конце марта в провинции Герат, когда военный патруль афганской армии остановил автобус, в котором сидели участники банды, заброшенные извне. В этом автобусе и были обнаружены гранаты, начиненные отравляющим веществом. Правительство Афганистана в специальном заявлении выразило полную готовность вместе с компетентными международными органами

произвести расследование и определить способы использования этих гранат и их воздействие на организм.

Существование этих химических гранат — факт неоспоримый. И как же в свете всего этого выглядят американские фальшивки о том, что якобы афганская армия и советские войска применяют против (как их называют в Вашингтоне) «повстанцев» напалм и даже нервный газ. Американская пресса с готовностью подхватила измышления какого-то американского проходимца, который, выдавая себя за афганца, пробрался вместе с бандитами на территорию Афганистана. Он не смог привести ни одного доказательства в подтверждение своих слов — да их просто и не может быть.

Несмотря на сложности нынешней обстановки в стране, новое, революционное пробивает себе дорогу в различных сферах жизни. Я говорил со многими людьми. Среди них и рабочие, и крестьяне, и представители интеллигенции, школьники, студенты. Вскоре после приезда на праздник «День крестьянина», который проходил на городском стадионе, я познакомился с совсем юным пареньком с большими любопытными глазами и пухлыми, почти детскими губами. Он с восторгом наблюдал за показательными прыжками афганских парашютистов, приземлявшихся точно в центре поля.

— Это вот офицер Султан Мохаммад, — показал он на только что приземлившегося парашютиста, складывавшего свой яркий, как пляжный зонт, парашют. — Я его знаю.

Чувствовалось, что пареньку очень хочется поговорить со мной.

— Я учу русский язык. — Он протянул мне учебник.

— А где учишься?

— Здесь, в Кабуле, в техникуме.

— Давно?

— Уже два года.

Говорил он запинаясь, подбирая слова, но вполне сносно.

— А что будешь делать, когда кончишь?

— На завод пойду работать.

— А работа есть?

— Работа теперь есть всегда. Сейчас специалисты очень нужны.

Моего собеседника зовут Абдулхалим. Жизнь перед ним только открывается. И ему повезло, что это происходит после Апрельской революции.

Образование для народа — одно из главных завоеваний Апрельской революции. Пока еще времени прошло мало. Положено только начало, но начало многообещающее. После Апрельской революции намечилась значительная перестройка системы образования. Возможность учиться получили все слои населения, а не только дети состоятельных родителей.

Но главное даже не в этом. Как нам сообщили в министерстве просвещения, сейчас идет разработка новых принципов, на которых

должна строиться вся система народного образования. Прежде всего ее необходимо довести до современного уровня. Необходимо поднять значимость самого образования, поднять статус учителя, нужно заставить родителей понять, насколько необходимо учить детей. Здесь впервые начинают создаваться родительские комитеты при школах. Пока только в Кабуле. Разрабатываются новые учебные планы, создаются новые учебники, подготовлен букварь для 1-го и 2-го классов, ряд учебников по чтению и арифметике и другие пособия.

Легко ли это осуществить? Едва ли. Работа предстоит огромная. Влияние традиций, предубежденности против образования, в особенности женщин, очень велико в сельской местности. К тому же в ряде мест еще действуют банды афганских контрреволюционеров, которые пытаются всеми силами воспрепятствовать демократическим преобразованиям. Они уже сожгли десятки школ, разогнали учащихся. Нередки случаи зверского убийства учителей и представителей новой власти на местах.

Но тяга к знаниям огромна, особенно у молодежи. На площади, где стоит на постаменте танк, первым начавший штурм старого режима два года назад, я встретил группу студентов политехнического института. Разговорились.

— Для нас революция — это наше будущее. Раньше нам и не на что было рассчитывать. По крайней мере большинству из нас, тем, у кого не было богатых родителей и влиятельных покровителей, — сказал красивый, с густой шевелюрой студент в джинсах. А девушки спрятались за спины парней, застеснялись.

Проезжая однажды в предместье Кабула, мы увидели крестьянина, пашущего на двух быках свой участок. Решили поговорить. Крестьянин не спеша остановил быков, подошел спокойно, с достоинством и дружелюбной улыбкой, поздоровался. Мы расспросили о семье, об участке земли, об урожае и вообще о жизни.

— Урожай?

— Пшеница около тридцати центнеров дает с гектара, морковь около двадцати восьми. Удобрениями пользуюсь и естественными и минеральными. Вот они, — он показал с улыбкой на быков, — производят много бесплатных удобрений.

Абдул Хамид, так звали крестьянина, целиком за реформу. Чем скорее ее проведут, тем лучше. К сожалению, феодалы препятствуют этому. Они терроризируют крестьян. В некоторых районах не дают засеивать полученные земли. В то же время под покровительством банд крупные помещики засеивают свои земли полностью. Осенью у крестьянина не будет хлеба, а у помещика — полные закрома. Чтобы семья не умерла с голоду, крестьянину придется идти на поклон к своему «благодетелю». Такую тактику избрали эти народные кровопийцы, в защиту которых американские, пакистанские и другие радетели вооружают контрреволюционные банды.

Подошел дядя Абдуллы. Он живет рядом. Разговор пошел о видах на урожай. Хлеб — одна из главных забот правительства. Начался сев. Насколько успешно он пройдет, насколько полно будут засеяны земли — от этого будет зависеть многое. Здесь, в Кабульской долине, виды на урожай хорошие.

— Снега было много, — говорит пожилой крестьянин. — А раз снега много, воды в рыках много — значит, будет хлеб.

Афганский народ очень дружелюбен и гостеприимен. Хозяин предлагает выпить чаю. Отказаться неудобно, да и, по правде говоря, пить хочется. Принесли поднос прямо на поле, с чашками, с местными сладостями. Хозяин улыбается. Впервые встречает таких гостей. Хоть он и полон собственного достоинства, но явно доволен. На прощание говорит:

— Ташаккор, хода хафез — спасибо, до свидания.

Как-то ко мне в номер гостиницы зашел веселый, подвижный человек. Сказал на хорошем русском языке, что он Расул, а полностью Абдул Расул Фаиз-заде.

— Вы не были на домостроительном комбинате? — спросил он. — Как же так, ведь это вы нам его подарили. Приглашаю поехать посмотреть.

Едем мимо аэродрома. По обочине трусит ослик, нагруженный мешками с мандаринами (как только эта крошка не переломится пополам?). Идут ребятишки с книжками. Тянутся новые многоквартирные дома, сработанные на комбинате.

Расул говорит:

— Вы не знаете наш народ и наши трудности. Вот там, в глубинке, если человеку скажет мулла или помещик, что собака у него ухо откусила, он бросится за собакой, а не проверит, на месте ли у того ухо. Он верит всему, а наш голос доходит до него пока с трудом.

На домостроительном комбинате, раскинувшемся за аэродромом, встретились с Гулямом Хабибом. Он секретарь партийной организации комбината и главный инженер. Был рабочим-автомехаником, работал с 14 лет. С основания НДПА в 1965 году принимал активное участие в деятельности партии.

Гулям подробно рассказал о работе комбината, о предстоящей реконструкции, о партийной деятельности. Я ему задал вопрос: что он думает по поводу нынешней обстановки в Афганистане и наших отношениях? Он сразу стал серьезным.

— Обстановка сложная. Впереди большие трудности. Я не знаю, что было бы с революцией, с нами, если бы вы не пришли на помощь. Мы всегда гордимся нашей дружбой и всегда ощущаем вашу помощь. Мы понимаем, как трудно было вам принять решение в ответ на нашу просьбу. Но вы выполнили ваш интернациональный долг... И это не забывается.

Потом мы прошлись по цехам. Познакомились с первой женщиной-крановщицей, которую зовут Зарлашт, первой женщиной-шофером Умайрой, у которой трое детей и которая работает здесь уже десять лет.

— Дети учатся,— говорит она,— я уверена в их будущем. Сама учусь на курсах ликбеза.

Познакомились мы с бородачом Засиром, бетонщиком, который тоже сначала ходил на курсы ликбеза, потом бросил, но застыдили — опять пошел. Сейчас читать научился. Первую книжку прочел. А вот с письмом хуже. Его загрубевшие толстые пальцы привыкли иметь дело с бетонными плитами, а не с карандашом.

Все это ростки того нового, что уже сейчас пробивается в Афганистане. В художественном училище преподаватели и учащиеся трудились над первыми политическими плакатами. На одном из них — крестьянин в чалме, с автоматом в руках, и надпись: «Государство дало нам землю, мы ее защитим». На другом изображен человек, олицетворяющий Апрельскую революцию. Ударом молота он разбивает цепи рабства. Плакаты уже пошли в производство. И скоро их можно будет увидеть на улицах города.

Как большой праздник отметили в Афганистане 110-летие со дня рождения В. И. Ленина. Состоялось торжественное заседание в столице Кабуле. По телевизору шел показ фильмов, посвященных Ленину. Состоялся кинофестиваль на ленинскую тему. В университете открыта выставка художников, посвященная славной годовщине.

Лишь пять дней отделяют ленинский юбилей от второй годовщины Апрельской революции в Афганистане. Может быть, в этом есть символика. Ленин стоял у истоков нашей дружбы. Его идеи вдохновили Апрельскую революцию.

Кабул — Москва. 1980

ОТ МАДРИДА ДО ГРАНАДЫ

Мне давно хотелось побывать в этой стране. Звон мечей, серенады, кастаньеты, мантильи, сегедильи и прочие романтические аксессуары испанского оперного быта известны с детства. Писатели, поэты и композиторы создали много незабываемых, прекрасных произведений об Испании, но в иных правды подчас не многим больше, чем в сказке. Какие же они, испанцы, какая это страна в действительности?

И вот поезд, пронзив Пиренейские горы, пропетляв по долинам и промчавшись сквозь многочисленные туннели, вырывается на слегка холмистую равнину. После хмурой, дождливой и холодной континентальной Европы — голубой солнечный свет Пиренейского

полуострова с зеленью лугов, оливковых рощ, игрушечные деревеньки и чистенькие города. Из окна вагона создается впечатление о каком-то неторопливом, спокойном укладе жизни и общей умиротворенности.

Мой сосед по купе Володя, с которым мы ехали вместе от самой Москвы, молчалив и задумчив. Он испанец. Точнее, он сам не знает, кто он. Мать и отец испанцы. Он едет к ним. Они жили в СССР. С тех самых пор, когда была война в Испании. Володя родился в Советском Союзе, и, как я выяснил на границе Франции с Испанией, где мы пересаживались с поезда на поезд и проходили какие-то таможенные формальности, испанского языка он не осилил. И жена у него русская и дети тоже. И никто испанского не знает.

— Мой отец, кстати, русский как следует не выучил, несмотря на то, что жил в Союзе долго. К языкам мы оба неспособны. Но отец все время хотел вернуться на родину, и, когда представилась возможность после смерти Франко, они с мамой поселились в Мадриде. Я — нет, я не собираюсь. Там ведь все не так, как у нас. И я, и жена, и дети — мы все привыкли к совсем другому. Погостить немного, посмотреть, а там и домой.

Володя — это как бы связь с моей юностью. Я помню эти дни тридцатых годов, когда газеты печатали сводки с фронтов Испании, где шла битва не на жизнь, а на смерть между коричневой чумой и новой, молодой Испанией, боровшейся за лучшее будущее. Этого будущего, которое отстаивали и Хемингуэй, и Мате Залка, и бойцы интернациональных бригад, и советские летчики, посланные на помощь республике, Испания в то время не обрела. Но именно в те времена не оперная, а живая Испания стала советским людям близкой и дорогой — та, республиканская Испания.

Книг о современной Испании, о том, что представляют собою ее народ, ее культура, жизнь, обычаи, немного. А ведь Испания вписала не одну страницу в мировую историю и внесла большой вклад в общечеловеческую сокровищницу культуры. На протяжении многих столетий она играла одну из главных ролей в европейской и мировой политике. С этой страной связана эпоха великих географических открытий. Богатейшая литература, волшебная музыка, темпераментные танцы и, наконец, изобразительное искусство. Сервантес, Лопе де Вега, Магеллан, Альбенис, Веласкес, Мурильо, Гойя и множество других великих имен дала Испания. Правда, здесь также полыхали костры святой инквизиции. Здесь королевская власть правила железной десницей. Отсюда, из Испании, отправлялись полчища завоевателей, уничтоживших культуру таких древних народов Латинской Америки, как инки, майя, ацтеки, и других. Но это уже другая страница истории.

Итак, Мадрид, Пуэрто дель Соль. Отсюда начинается исчисление

всех расстояний в Испании — от Мадрида до любого города, и в асфальт тротуара здесь вмонтирован металлический диск, на котором значится цифра О. Пуэрто дель Соль элегантна, богата и шумлива, как и все втекающие в нее улицы. Богатые магазины, сверкающие витрины, полно товаров. Но цены заставляют почесать затылок. Мне раньше приходилось читать о том, что Испания — одна из самых дешевых стран не только Европы, но и мира. Для иностранных туристов, конечно. Американский писатель Митчинер, посвятивший Испании две объемистые книги — «Иверия» и «Плывущие по течению», утверждал несколько лет назад, что это именно так, и даже привел список цен на основные товары США и Испании. Теперь, увы, все уже не то. Испания из-за инфляции стала одной из самых дорогих стран, это сказалось и на доходах от туризма. Если в 1979 году в стране побывало около 39 миллионов туристов, то в 1980-м их число значительно снизилось.

Впрочем, простой люд в этих магазинах ничего не покупает. Для него существует пестрая и, пожалуй, еще более шумная барахолка, так называемый Растр.

Неподалеку от Пуэрто дель Соль находится еще одна знаменитая площадь Мадрида — Пласа Майор. Это даже не площадь, а внутренний двор постройки, сооруженной без малого четыреста лет назад. Именно здесь последний из Габсбургов, правивший Испанией в XVII веке слабоумный Карлос II, наблюдал сожжение девятнадцати еретиков, осужденных инквизицией.

Как-то утром, проходя по одной из улиц Мадрида близ отеля, я заметил над одним из банков надпись: «Банко эстериор де Эспанья». Зашел туда разменять французские франки и, получая взамен испанские песеты у кассира, на всякий случай поинтересовался: не тот ли это банк, который открыл не так давно свое представительство в Москве? Оказалось, тот самый. Я вспомнил, что на приеме в Москве по случаю открытия этого представительства глава банка Фермин Селада Морено обещал мне дать интервью, но как-то так случилось, что оно не состоялось.

«Почему бы не взять это интервью сейчас?» — пришло мне в голову. Сразу же позвонил в центральное отделение банка и попросил аудиенции у президента. Президент извинился через секретаршу, что он очень занят, но его заместитель меня тотчас примет и расскажет все, что нужно.

Респектабельное, отделанное полированным гранитом старинное здание с широкими мраморными лестницами, устланными коврами, со старомодными лифтами вселяет уважение и какое-то чувство стабильности. Меня проводят в один из кабинетов на четвертом этаже. Еще молодой, с черными глазами, подвижный и улыбчивый дон

Хоакин Касусо Посада, один из руководящих работников банка, предлагает кресло, и наша беседа начинается в присутствии еще одного сотрудника, кстати, тоже хорошо говорящего по-английски.

— Мне кажется, что экономические отношения между нашими двумя странами находятся в начальной стадии, — отвечает он на мой вопрос. — Но перспективы, безусловно, хорошие, ибо зачем было бы открывать нам свое представительство в Москве? Банк наш один из крупнейших, через него производится подавляющая часть внешне-торговых операций. Если говорить вообще об экономических отношениях между странами, то их развитие не только укрепляет дело мира, но и сближает страны, дает возможность узнать, понять лучше друг друга. Банк имеет 250 отделений в самой Испании и целый ряд представительств и отделений в других странах — в Европе, Америке, на Ближнем Востоке и в других районах мира. Правительству принадлежит 63 процента нашего основного капитала.

— Считаете ли вы, что экономические рычаги могут быть использованы для достижения политических целей в отношениях между различными странами?

— Я лично считаю, что этого не должно быть, но, к сожалению, это происходит в современном мире. И это осложняет проблему создания мирной обстановки на нашей планете.

— Как вы относитесь к тем переменам, которые произошли в Испании на протяжении последних лет?

— Целиком поддерживаю и одобряю. Процесс демократизации нашего общества, нашей жизни — это уже необратимый процесс, и старое, конечно, не вернется. У нас, безусловно, есть проблемы, и они характерны и для других стран: непрерывная инфляция, рост безработицы — все это затронуло и Испанию, все это отражение общего кризиса, охватившего и Европу и Америку.

— А в чем вы видите причины кризиса?

— Целый комплекс обстоятельств привел к этому. Здесь и рост цен на нефтепродукты, и рост военных расходов в мире оказывает на этот процесс влияние.

Потом мы говорим о моих впечатлениях от Испании, о том, где побывал и что видел. Г-н Касусо предлагает свою помощь, если нужно, — ведь у них есть 250 отделений в Испании и они могут и встречи организовать и вообще познакомить с жизнью людей. Я с радостью ухватился за эту возможность, и после недолгого обсуждения мне было предложено побывать на юге Испании — в Севилье, Гранаде или Кордове. Остановились на Гранаде.

Дни, проведенные в Гранаде, по части впечатлений и встреч были самыми насыщенными за все время пребывания в Испании. Это был какой-то калейдоскоп из лиц, имен, прелестных ландшафтов, чудесных мелодий, темпераментных танцев и интереснейших рассказов об истории, обычаях и нравах Гранады и многом другом. Мой неизменный спутник, совсем юный Анхель Гальдо Фознтес, только что

окончивший университет, вымотал из меня все силы, за что я ему безмерно благодарен.

В первый день мы бродили по улицам и площадям, и я слушал рассказы о том, что Гранада была одним из последних оплотов мусульманства на испанской земле. Мы беседовали с корреспондентом местной газеты, который первый раз встретил советского человека, мы пили пиво в какой-то полупещере-полубаре в районе, где живут цыгане. Анхель привел меня к себе домой и познакомил со своим семейством. Очень набожная мама сообщила, что ее зовут Конча и что это имя имеет прямое отношение к «непорочному зачатию».

— Вы, наверное, не знаете, что это такое. Ведь вы неверующие.

— Нет, почему же, знаю. У нас ведь тоже есть и церкви и религиозные люди.

— Неужели? Я не знала. А мы, испанцы, очень религиозные. Вот и сын у меня Анхель (Ангел).

Пришел папа, известный в Гранаде врач. Поздоровался, минут пять поговорил и ушел на сиесту. Пришел старший брат, похожий на Анхеля. Дружелюбно поздоровался, и я заметил в его глазах плохо скрываемое любопытство: человек оттуда, из Москвы. Раньше встречать не приходилось.

А вечером, вернее уже ночью, мы отправились смотреть фламенко. «Самый настоящий фламенко,— говорил Анхель,— а не тот, что показывают туристам в дорогих ресторанах и отелях».

Куда меня везли — не знаю, но, судя по всему, мы оказались в квартале, где живет публика очень небогатая. По ступенькам спустились вниз в плохо освещенное помещение без окон, с портретами Гарсии Лорки на стенах и небольшой эстрадой, на которой лицом к зрителю в ряд у задней стены сидели несколько мужчин и женщин с гитарами, бубнами и кастаньетами.

По поводу происхождения фламенко существует много догадок. Танец известен со времен раннего Средневековья. Некоторые считают, что эта комбинация гитары с пением, танцем, иногда речитативом с отрывистым ритмичным похлопыванием ладонями осталась еще от мусульманских времен. Другие связывают его с появлением в Испании цыганских племен. Как бы то ни было, этот темпераментный, полный страсти и огня спектакль (пожалуй, так будет лучше его назвать) имеет около дюжины различных форм, как, например, малагуэнья, фанданго или петенера.

— Петенера как раз характерна для Андалузии,— поясняет высокий, красивый, русоволосый, с серыми глазами хозяин этого ресторанчика.— Вот послушайте. Это Гарсия Лорка.

И он поет под аккомпанемент гитары:

В башне спящей, в башне желтой
Громко колокола звон.
Ветер спящий, ветер желтый
Этим звоном потрясен.

Звуки сталью заостренной
На лету пространства рвут,
Грудью девушки влюбленной
И трепещут и поют...

Потом на авансцену врывается жгучая брюнетка с развевающимися волосами, и начинается этот вихрь длинных цыганских юбок, извивающихся рук и развевающихся волос. В общем, все очень профессионально, очень музыкально и красиво.

Гранада в 1238—1492 годах была центром, столицей гранадского эмирата. От тех времен остались впечатляющие постройки мавританского дворцового комплекса Альгамбра с двориками, фонтанами, богато декорированными залами и стенами, испещренными затейливой арабской вязью. Это место паломничества туристов, отсюда открывается великолепный вид на весь город, на белые домики, взбирающиеся по холмам, на вырытые в горах пещеры, где все еще продолжают обитать бедняки, большей частью цыгане, на Сиерру Неваду, которая оделась не туманами, а белым, сверкающим на солнце снегом.

Район Альвайфин — тоже достопримечательность Гранады. Здесь старинные домишки, оставшиеся от давних времен, небольшие узкие улочки с крутыми подъемами и спусками, маленькие ресторанчики-бары. Познакомились с владельцем одного из них. Узнав, что я из Москвы, оживился. Он в свое время сражался за республику и после ранения был отправлен в Москву подлечиться. Вспоминает об этом с удовольствием, но, к сожалению, был в Советском Союзе недолго. При Франко в тюрьме сидел, но сейчас ничего, жить можно.

«Пенсию даже получаю — правительство согласилось и республиканским солдатам пенсию платить». Хозяин угощает хамоном и кара коло. Хамон — это что-то вроде ветчины. Окорок, слегка провяленный на солнце, подвешивают на несколько лет на крючке, и потом мясо становится мягким и отличается нежным вкусом. Кара коло — это полосатые улитки, которых привозят с моря.

Из Альбаисина спускаемся вниз к кафедральному собору. В одном из близлежащих переулков в уголке устроил выставку своих картин уличный художник. Виды Гранады, портреты, изображения старинных зданий — сделано все неплохо.

— Синьор, давайте я мгновенно нарисую ваш карикатурный портрет.

Мне не нужен мой «карикатурный портрет», но пожилой художник не унимается.

— Вы только посмотрите, это быстро. А вы откуда к нам приехали? Из Москвы? Очень, очень рад вас встретить. Я ведь сам коммунист и считаю, что рабочие должны решительнее выступать за свои права.

Он все-таки нарисовал мой «карикатурный портрет». Но от денег решительно отказался. И даже подарил мне одну из своих сделанных пером картин, изображающих какое-то здание в Гранаде.

На пласа Брамбла образовалась своеобразная биржа труда. Здесь толпятся безработные. Негромко переговариваются между собой, и тема их разговоров, как правило, одна — где подработать. Иногда приезжает сюда агент какого-либо землевладельца из окрестностей Гранады и набирает для полевых работ поденщиков. Бывает это редко и не в это время года. Да и платят гроши.

Один из самых популярных поэтов в современной Испании — Гарсиа Лорка. Для Гранады его имя особенно дорого. Этот замечательный поэт родился в небольшом городке километрах в пятнадцати от Гранады — Фуэнтевакерасе. И расстрелян он был франкистскими убийцами тоже здесь, неподалеку на шоссе, и зарыт в братской могиле вместе с другими испанскими патриотами, павшими от руки фашистов в тот день в августе 1936 года.

Сейчас в Испании Лорка как бы открыт заново. Ставятся на сценах театров его драмы. Спектакль «Донья Росита» показывался в испанских провинциях, и его посмотрели десятки тысяч зрителей. А теперь он вышел и на сцену столичного Национального театра имени М. Герреро. Все больше появляется книг, статей и диссертаций о творчестве Лорки. И это не только из-за того, что он был действительно великим поэтом. Он олицетворял собой все, что связано с антифашизмом. «В этом мире я был и буду всегда на стороне бедных, — говорил он в 1934 году. — Я буду всегда на стороне тех, кто ничего не имеет и кому отказывают даже в безмятежном обладании этим ничем». И слова его песен, драм, поэм доходят до сердца каждого простого испанца. Перед моими глазами до сих пор стоят напряженно внимательные лица этих простых людей в той дешевой таверне, где великолепный баритон пел «Плач по Игнасьо Санчес Мехиас» — знаменитому испанскому тореро, погибшему на арене.

Гранда не было в Севилье.
Кто б сравнился с ним в отваге.
Не было такого сердца,
Нет другой подобной шпаги!
В нем текла рекою львиной
Чудодейственная сила
И его картинный облик
Торсом мраморным вносила.

Я лечу обратно в Мадрид. Подо мной земля Испании. Когда-то там, внизу, шли бои между христианами и мусульманами, бродили рыцари в латах, бушевали костры инквизиции и истошными голосами вопили сжигаемые на кострах еретики. Все ушло. Остались холмы, реки и вот

эти лоскутные поля. Остались и замки, храмы, остались вместе с тем полотна великих художников, остались поэмы, романы, песни. Творения рук людских и гения человеческого не исчезают. Они живут вечно, доколе жив человек.

В столице, как, впрочем, и во многих других городах Испании, тоже есть что посмотреть: Здесь и музеи, и театры, и знаменитая коррида, которую не довелось увидеть ввиду того, что было межсезонье. Из музеев самый знаменитый, конечно, Прадо. Москвичи и ленинградцы имели возможность познакомиться с частью его сокровищ.

Все-таки, с одной стороны, хорошо, что нашему командировочному народу денег не хватает на такси — пешком больше увидишь. На Прадо я набрел, не спрашивая дороги, просто прогуливаясь пешком по Мадриду. В Прадо — Веласкес, Рубенс, Тициан, Мурильо, Эль Греко, Рибера и множество других художников. В Прадо собрана одна из величайших художественных коллекций мира. Здесь можно находиться неделями. Мне же пришлось ограничиться неполным днем. Времени было мало. В трех этажах здания — 111 залов. По ним ходят группами и в одиночку туристы. Можно увидеть молодых, только начинающих художников Испании, приткнувшихся где-нибудь в углу со своими мольбертами и копирующих выставленные здесь шедевры. Звучит речь на разных языках — здесь много посетителей из других стран. Прадо — это законная гордость испанцев, как у французов Лувр, у нас — Эрмитаж.

В один из дней решили воспользоваться услугами туристской фирмы, устраивающей поездки к испанским достопримечательностям. Я выбрал экскурсию в Толедо. Портье в гостинице куда-то позвонил и тут же выписал мне билет-квитанцию.

— Не забудьте, завтра в восемь.

Ровно в восемь мы отбыли с улицы, находящейся где-то неподалеку от площади Испании. Слева из-за серых зданий выползает заспанное желтое солнце. Минуем промышленный район Мадрида. Тянутся фабрики и заводы, кварталы обшарпанных жилых домов. Здесь люди победнее, одеты поплотнее. Балконы завешаны стиранным бельем. Там, в центре города, на стенах домов больше намалеванных свастик. Здесь серпов и молотов...

Пассажиры постепенно начинают клевать носами. Остановка около магазина сувениров по дороге в Толедо всех немного взбудорила. Рассматриваем ярко раскрашенные тарелки и кувшины, толедские сабли и кинжалы, деревянные фигурки святых, но покупать никто не спешит. В общем, все дороговато. Да и не всегда хорошо сделано. Индустрия сувениров, развращенная, как и в других местах, массовым туризмом, переживает не лучшие свои дни.

— Изготовить хорошую вещь стоит и большого труда и много времени, — объясняет мне наш гид. — А ничего не понимающие толстосумы, прикатившие из-за океана, и такое возьмут.

И, оказывается, правда, берут. Берут и эти несуразные мечи, и кувшины, и даже аляповатые тяжелые рыцарские латы, сотворенные в конце двадцатого века местными жестянщиками. Поставит какой-нибудь новоиспеченный богач такого рыцаря у себя дома где-нибудь в Техасе или Джорджии и, глядишь, прослышет большим знатоком старины у своих, таких же, как он, «интеллектуалов».

В Испании великое множество замечательных памятников старины. Толедо, вобравший в себя прошлое страны, город, уникальный даже в Испании, где древностью не удивишь. Недаром его называют летописью в камне. Когда подъезжаешь к городу, создается впечатление крепости. Река Тахо опоясывает холм, на котором стоит город. Толедо на протяжении веков почти совсем не менялся. Не тронули столетия ни каменные булыжные мостовые, ни здания с метровыми стенами, ни крепостные сооружения, ни древние соборы. Это была столица Испании, и каждый дом здесь мог бы многое рассказать о своих обитателях — о гордых, властолюбивых вельможах, всесильных церковниках и деятелях святой инквизиции. Узенькие улочки, мосты, построенные чуть ли не во времена римлян, маленькие балкончики («сквозь чугунные перила ножку дивную прудень»). Мы идем в кафедральный собор, построенный в очень далеком веке. В Толедо работал великий Эль Греко. Здесь сохранился в неизменном виде его дом. А в соборе — собрание его картин. Одно из крупнейших. И сам собор впечатляет своей грандиозностью. А уж эльгрековские полотна способны довести до экстаза.

Еще одно огромное полотно великого художника хранится в церкви Сан-Томе. Это — «Погребение графа Оргаса», великого грешника, решившего, как нам объяснила наш гид сеньора Мария-Тереса, перед смертью стать праведником, что ему, в общем, и удалось, если судить по картине. Перед полотном установлен ряд скамеек. Так что можно посидеть, не спеша посмотреть и убедиться, что граф действительно попадает на небо, где его душу с тихой радостью встречают святые. Поражают великое мастерство художника, характеры выведенных им персонажей, одни из которых находятся на земле внизу картины, а другие уже на небесах, в верхней ее части.

Возвращаясь из Толедо, остановились около небольшого ресторанчика, пристроившегося у развилки двух дорог. Время обеденное, и ресторан полон. И машин вокруг полно. Наш гид Мария-Тереса, сморщив презрительно лицо и кивнув в сторону соседнего столика, за которым сидело несколько седеющих донов со своими хорошо одетыми дамами, вполголоса произносит:

— Понаехали! Терпеть их не могу. Они теперь все потянулись к Мадриду, даже из самых дальних городов.

— А кто это — они?

— По сути дела, те же фалангисты, охваченные ностальгией по старым временам. Исполняется пять лет со дня смерти Франко. Вот они и беснуются и устраивают демонстрации. Их еще много у нас.

О временах, когда правил каудильо, здесь помнят, конечно, все. Большинство людей вспоминают о них с содроганием. Но многие из числа аристократии и тех, кто побогаче, с сожалением, что они ушли. Мы еще раньше видели этих людей, во время поездки в так называемую Валье-де-Каидос, «Долину павших», затерявшуюся среди гор Гвадалахары, где находится массивная, вырубленная в скале по приказу Франко «Базилика», над которой возвышается огромный стопятидесятиметровый крест. Здесь сейчас находятся могилы двух основателей фашистской фаланги — генерала Примо де Риверы, на которой лежало пять роз (символ фаланги), и напротив — самого генералиссимуса. Могила Франко, закрытая полированной плитой вровень с полом, засыпана цветами, а вокруг в траурных одеждах скорбели обломки его режима. Пожилой усатый господин распростерся на полу и чуть не взасос целовал угол могильной плиты с именем дорогого диктатора. И все эти сцены в мрачном подземелье походили на какой-то кошмарный спектакль. Но это был не спектакль.

Позднее, в Мадриде, мы видели гудящие и ревушие колонны автомашин, в которых сидели съехавшиеся в столицу молодчики, размахивавшие высунутыми из окон фалангистскими флагами. В обилии лестрели свастики на стенах домов, на скамейках и на асфальте. Нет, фашизм отнюдь не прячется. Больше того, при поддержке монополий новые штурмовики предпринимают непрекращающиеся атаки на возникшие в стране после смерти Франко демократические институты, прибегая к насилию и тактике террора.

* * *

Испания переживает сложный и противоречивый период в своей истории. Процесс освобождения от фашизма далеко не закончился, хотя много уже сделано для демократизации всей обстановки. Но накал классовых битв высок. Митинги, демонстрации протеста, рабочие марши против нищеты и безработицы — такова сегодняшняя действительность страны.

Идет борьба. Трудная, напряженная, непрекращающаяся.

Мадрид — Москва. 1981

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Ангола: первые шаги	3
Столетия и годы	11
Встречи на земле Суоми	19
Крест Магеллана	25
Рядом с экватором	33
Англия без туманов	40
Афганистан: пламя борьбы, пламя свободы	47
От Мадрида до Гранады	54

Юрий Петрович Попов ПО ГОРОДАМ И СТРАНАМ

Редактор М. М. Ж и г а л о в а.

Технический редактор В. Н. Веселовская.

Сдано в набор 31.05.82. Подписано к печати 10.07.82. А 00391.
Формат 70×108¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура «Школьная».
Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,80. Учетно-изд. л. 4,09.
Тираж 100 000 экз. Изд. № 1627. Зак. № 2579. Цена 25 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва,
А-137, ул. «Правды», 24.